

АЛЁНА ВОЛГИНА
Майны Венеции

Отравленные
МОРЕМ

Алена Волгина
Отравленные морем
Серия «Тайны Венеции», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57561404
Отравленные морем: IS-Паблшинг; Москва; 2022

Аннотация

Героиню книги Франческу путём шантажа принуждают участвовать в краже ценных документов, но предприятие оказывается чрезвычайно опасным и теперь героине предстоит прятаться. Обладательница магии моря оказывается в сложной ситуации, ей предстоит противостоять врагам и открывать новые тайны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	67
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Алена Волгина

Отравленные морем

Глава 1

Сиккила, деревня близ Занклы

Утром море палево-бирюзовое и пахнет солью. Солнца ещё нет, только на востоке золотится рассвет. Волны ласково гладят берег пенными ладонями, захлёстывают мои ступни, увлекая за собой. Спину холодит утренняя стылость, но вода теплее воздуха. Я ныряю с головой, согреваясь, забирая тепло у моря и отдавая ему взамен – своё.

Говорят, волны шепчут каждому о сокровенном. Люди приходят на берег, чтобы отрешиться от суеты и понять что-то новое в себе. Меня же тянет на глубину, совсем как в Ту Ночь, когда мы с морем соприкоснулись душами слишком близко. Если бы не Карита, я так и осталась бы там – кораллом, стайкой рыб, моллюском, бездумной морской пеной.

Каждый раз выбираться на берег становится всё сложнее. Тело с непривычки кажется тяжёлым, неуклюжим, и немного звенит в ушах. Кожу стягивает на солнце, острая галька впивается прямо в пятку, и до башмаков, отставленных подальше, приходится прыгать на одной ноге. Море с ласковой насмешливостью провожает меня бирюзовым взгля-

дом: «Может, вернёшься?» Но пока у меня хватает сил повернуться к нему спиной. Слишком многое держит меня на берегу.

Справа, за песчаными дюнами, поросшими колючей травой, виднеются тёмные крыши. Это Перна – рыбацкая деревня, где мы с Манриоло нашли убежище на зиму. Мой друг плотничал, помогал рыбакам. Иногда я завидую его лёгкости. Когда человеку легко с собой, люди рядом с ним тоже чувствуют себя непринужденно. Манриоло любили. Меня боялись. За спиной шептались – «скъемара», морская колдунья, однако за советами обращались исправно. Где лучше поставить сети? Когда ожидать следующего шторма? Я была словно переводчик между людьми и глубинной синей страной, лежавшей в полулиге от их домов.

Возвращаясь домой, я стараюсь держаться узкой полоски тени. Когда я проходила мимо рынка, Альдо, наш сосед, сунул мне две рыбины – обычная плата за морские уроки. Нужно пожарить её до того, как упадёт жара. В дневные часы жизнь в Перне замирает. Палящее солнце загоняет всех в тень, придавливая к земле. Даже самые брехливые собаки прячутся до вечерней прохлады.

Печка во дворе уже старая и дымит, с ней приходится обращаться бережно. Вообще-то у нас были деньги, чтобы её починить. Хватило бы даже на собственную лодку, так что Манриоло не было нужды наниматься в помощники к другим рыбакам. Я не однажды намекала ему на это, но Манриоло-

ло всегда отказывался. Ясно, почему. Мы не купили в этот дом ни горшка, ни ниточки, пользуясь тем, что осталось от прежних хозяев. Это было временное жильё.

Вести из Венетты сюда не доходили. Несколько раз я бралась за перо, чтобы написать Джулии... и снова откладывала. Прошлогодний обман чудом сошёл нам с рук. Интересно, что говорят сейчас в Венетте о смерти дона Арсаго? Заподозрил ли кто-нибудь, что в крипте он был не один? Вспоминает ли обо мне Алессандро? Конечно, зимой ни одно судно не пустилось бы в плавание по Длинному морю. Было легко убедить себя подождать. Но день проходил за днем, уже миновала весна, а я всё никак не могла решиться...

Спохватившись, я принялась переворачивать толстую рыбину, шипевшую на решётке. Опять с одного бока получится подгоревшей! Пульчино, напомнив о себе резким чайчым криком, получил рыбы потроха и убрался под крышу. Я снова задумалась, когда на светлый песок рядом с моей упала ещё одна тень. Узнаю Манриоло! Где бы он ни бродил по утрам, он всегда чётко являлся к обеду, отточив этот навык до подлинного искусства!

Улыбнувшись, я обернулась, но при виде Манриоло заготовленные шуточки замерли у меня на губах. Обычно он приносил тарелки, ставя их на растрескавшийся стол под седой оливой, где мы обедали. В этот раз руки у него были пусты, а в глазах горел новый азарт, и он выглядел как человек, сбросивший с плеч тяжёлую ношу. Я поняла, что он хотел

сообщить, ещё до того, как он заговорил.

– Мы возвращаемся.

* * *

Капитан, которого нашёл Манриоло, был ариминцем. Звали его Алонзо Кариньяно, и он ходил на «Примавере» – небольшой фелуке, лёгкой и проворной, как ласточка. Обычно он курсировал вдоль Полибийского берега, заглядывая в порты, чтобы взять на борт партию вина или шерсти. Или менее законного груза, если на то пошло. Легчайшую «Примаверу» ночью ни одна стража не догонит! А если и догонит, то взятка таможенникам поможет уладить дело. Судя по кафтану из дорогого сукна и золотому перстню с печаткой, синьор Алонзо привык распоряжаться большими деньгами. А судя по жёсткой складке возле рта и непреклонному блеску глаз, он не постеснялся бы прибегнуть и к стали, если бы ему понадобились более эффективные средства убеждения.

– Это Франческа, – представил меня Манриоло, когда мы встретились, чтобы всё обсудить. – Мы с ней едем в Венетту вместе.

Синьор Алонзо белозубо улыбнулся и сказал, что будет рад нам помочь. Плату он брать не захотел, так как дон Роберто, у которого раньше служил Манриоло, был его хорошим знакомым.

– Мы, ариминцы, привыкли держаться друг друга, – ска-

зал он добродушно. – Сегодня я окажу услугу Роберто, завтра – он мне. На том и держится мир.

Я осторожно спросила, не опасно ли ему появляться в Венеции, так как из-за сложной политической обстановки аристократов там недолюбливали. Капитан пренебрежительно отмахнулся:

– Пустое. У нас, у купцов, свои интересы! Пусть сенаторы ломают копья в собрании – нас это не касается.

Мы сидели в порту в таверне, насквозь пропахшей рыбой и дешёвой граппой. Манриоло сиял. Он снова обрёл тот вызывающий, победительный вид, который всегда отличал его в Венеции. Я его понимала. Мой друг был не из тех людей, которые мечтают всю жизнь просидеть в тихой заводи. Рыбачья деревушка была для него лишь временным пристанищем, с которым он вынужденно мирился.

Обговорив детали и сроки предстоящего путешествия, синьор Алонзо вместе с Манриоло углубились в воспоминания об Аримине, их родном городе, а я тем временем исподволь присматривалась к новому знакомому. Это был осанистый, крепкий человек с умным волевым лицом и рыжеватой бородой. Под бровями в палец толщиной блестели любопытные глаза, изменчивые, как вода в море. Что-то упорно мешало мне ему довериться. Слишком он был какой-то... текучий. С таким собеседником оглянуться не успеешь, как расскажешь о себе всё до донышка, а он будет только кивать, поддакивать и мотать на ус.

Услужливый трактирщик принес новый кувшин с вином взамен опустевшего. Манриоло вспомнил, что он раньше был моряком, и в его речах зазвучали сентиментальные нотки:

– Как бы мне хотелось снова побывать в Арсенале! – вздохнул он. – Всё моё детство прошло под стук молотков на верфях!

Синьор Алонзо в свою очередь разразился воспоминаниями о прохладных крытых галереях на улицах Аримина, о колодце в каменном дворике, возле которого он любил когда-то играть, и о полосатом черно-белом фасаде церкви напротив родительского дома...

– Когда я вернулся туда в последний раз, то перестроил хоры в церкви и украсил её новыми колоннами с резьбой, – похвастал он. – Нет ничего прекраснее дома! Чем дальше ты уходишь в море, тем сильнее тебя тянет обратно, на зов маяка в родной гавани!

«Что-то он слишком чувствителен, – подал голос Пульчино, который караулил снаружи. – Такие люди часто бывают особенно жестоки». Будучи чайкой, Пульчино, конечно, не мог составить нам компанию в таверне, но природное любопытство не позволило ему остаться в стороне. Наша дружба с ним началась задолго до этой поездки, ещё на острове Мираколо, когда я подобрала на причале беспомощного птенца. Волшебный дар *кьямата* позволял нам обмениваться мыслями, даже если мы находились далеко друг от друга. Я мог-

ла бы, например, «одолжить» тело чайки, чтобы взлететь и увидеть город с высоты. Этот дар я с детства привыкла воспринимать как игру, однако прошлой весной в Венеции мне пришлось убедиться, что некоторые люди относятся к волшебству очень серьёзно и не гнушаются использовать его в политике.

Меня до сих пор мучило чувство вины. Когда я по глупости ввязалась в интриги, Пульчино это дорого обошлось. Он едва не погиб и до сих пор не мог нормально летать после того, как дон Арсаго выместил на нём свою злобу. Я пыталась помочь ему, как могла, но иногда с горечью думала, что в сердце Пульчино навсегда поселилось недоверие к людям.

Может быть, моя подозрительность к синьору Алонзо – это тоже отражение мыслей Пульчино? Ведь мы многие эмоции делили на двоих!

Манриоло тем временем громко засмеялся:

– Будь я один, добрался бы в Венецию куда быстрее вашей «Примаверы»! Готов поспорить, что валлуко, мой «морской конь», донесёт меня туда за неделю!

Я с досадой пнула его ногой под столом, чтобы не распускал язык. Прошлогодние события научили меня осторожности. Чем меньше людей будут знать о твоих талантах, тем лучше! Валлуко – это крупное морское животное, вроде дельфина. Манриоло называл его Гриджо из-за серой шкуры. У них была примерно такая же связь, как у нас с Пульчино, хоть и не настолько тесная. Одной из причин, по ко-

торой Манриоло взял меня с собой, когда мне пришлось бежать из Венеции, было его желание научиться искусству *кья-мати*. Однако он не был хорошим учеником. Ему не хватало терпения, а кроме того, Манриоло сам любил быть в центре внимания. Он редко брал на себя труд прислушиваться к чужим мыслям.

В этот вечер его разговорчивость, подогретая винными парами, была особенно некстати. Я боялась, что синьор Алонзо неспроста то и дело наполнял его бокал. Вон как заинтересованно блестит глазами!

– Не хотите ли взять жареной рыбы на закуску? – предложила я, незаметно отодвигая кувшин подальше от Манриоло.

Капитан отказался:

– Нет, спасибо. В незнакомых трактирах я стараюсь держаться подальше от еды и поближе к выпивке. Это правило меня ещё никогда не подводило!

Манриоло снова расхохотался, неумеренно восхищаясь его остроумием. Он был совершенно очарован новым знакомым. Я попробовала сменить тему, но это не помогло: синьор Алонзо упорно переводил разговор на нас.

– Жаль, что дон Роберто сейчас в плавании, зато его супруга будет очень рада встретить вас в Венеции!

– Разве Джулия не в Аримине? – вырвалось у меня против воли.

– Нет, похоже, ей веселее коротать время с её братом, чем

со свекровью, – подмигнул капитан.

– Видишь, как удачно всё складывается! – воскликнул Манриоло.

Я снова толкнула его ногой, пытаясь привлечь к себе внимание. «Кто он такой, этот Алонзо Кариньяно? – спросила я беззвучно, одними глазами. – Он показал тебе какой-нибудь знак от твоего бывшего хозяина? Кольцо, кинжал, письмо хотя бы?». Ответом мне была только счастливая бессмысленная улыбка.

Впрочем, может быть, я зря себя накручиваю. Какая разница, кто он такой, этот капитан – пират или кондотьер, главное – что он привезёт нас в Венецию! Я снова увижу Джулию, увижу Алессандро! Сердце предательски толкнулось в ребра, и я поспешно опустила глаза, прячась от пронизательного взгляда синьора Алонзо.

Иногда Алессандро снился мне, и это были сны, полные грусти. Я тосковала по нему. Пыталась вспомнить его черты, его особенную улыбку, приподнимающую уголки губ. Его привычку отступать в тень, когда кто-нибудь слишком пристально тарасился на его шрам. Мне часто снилось, будто я искала его в венецианском порту, расспрашивая всех и каждого, пока кто-нибудь не разворачивал меня в сторону моря, показывая на белое пятнышко парусов, исчезающее вдалеке. В своих снах я всегда опаздывала. И каждый раз, вглядываясь в слепящую полосу моря, разделяющую нас с Алессандро, я просыпалась с горящим лицом и болью в груди.

Манриоло вдруг хлопнул меня по плечу, заставив очнуться: «Поверьте, она тоже рада! Просто женщины привязываются к дому, как кошки, и их тяжело сдвинуть с места!» Они с капитаном пьяно расхохотались. Внезапно убогая хижина в Перне показалась мне уютным убежищем по сравнению с веселым угаром, царившим в таверне. По мере того как темнело, столы заполнялись шумными, гогочущими людьми. Мимо нас постоянно кто-то шатался, задевая нас то кружками, то локтями. Пора было уводить отсюда Манриоло, пока он не наделал бед. Сгоряча он мог такого натворить, что нас потом ещё десять лет вспоминать будут!

«А ты вылей ему ведро воды на башку, – посоветовал Пульчино, снова проявив саркастический интерес к нашей беседе. – Враз протрезвеет!»

Синьор Алонзо хохотал и шутил наравне со всеми, но его взгляд оставался на удивление трезвым. Он даже не покраснелся от выпитого. Нет, всё-таки он мне не нравился. Встретившись со мной глазами, капитан отсалютовал кружкой:

– Вы так молчаливы, синьорита Франческа. Похвальная осторожность. Однако есть же в Венетте люди, которым вы доверяете?

Я мысленно произвела несложный подсчет:

– Да. Целых два человека.

Алонзо дёрнул щекой, будто скрывая усмешку:

– Уверен, они оба будут *очень* рады вас видеть.

Глава 2

Венетта, дом Граначчи

Ночью улицы Венетты словно вымощены темным стеклом. На носу гондолы горел фонарь, разбрасывая по воде золотые блики. Лодка скользила бесшумно, как призрак. Отражения редких факелов еще больше подчёркивали непроходимую глубину каналов.

– К дому Граначчи, – приказал Алессандро гондольеру.

Он вернулся в Венетту утром, и за день устал как чёрт. Нужно было разместить галеры в порту, договориться о починке оснастки и об учениях, добыть такелаж, выслушать рапорты капитанов и отправить доклад в Золотой дворец. Было так соблазнительно завалиться в гостиницу, отложив все разговоры до завтра, но... Рикардо обещал его дождаться, во сколько бы он ни приехал. Они не виделись уже несколько месяцев, с самого начала навигации.

Дом Граначчи стоял тихий и темный. Только два зарешеченных окна светились на втором этаже. Шагнув на пристань, врезанную в камень, Алессандро невольно бросил взгляд на тонувшую в тени аркаду, где прошлой весной он впервые увидел её. Франческу.

Эта встреча всё изменила. Как сейчас, он помнил большеглазое, тонко очерченное лицо с гордо поднятым подбородком, каштановые кудри, растрепавшиеся в долгой по-

ездке... Помнил её скованность и тщательно скрываемую неуверенность, которая, как он теперь понимал, была вызвана отнюдь не застенчивостью. Он тогда считал её наивной девушкой, приехавшей, чтобы встретиться с женихом. А она готовилась играть роль. И сыграла её просто блестяще. Интересно, где-то она теперь?

Едва только отгремели зимние штормы, он разослал людей на поиски по всему Длинному морю. Не для того, чтобы вернуть Франческу в Венецию. А затем, чтобы убедить ее не приезжать.

В ночной тишине послышался лязг отворяемой решетки, и знакомый веселый голос позвал:

– Эй, ты где? Чего там застрял?

Они обнялись. Алессандро был рад встретить друга. Отлично было видеть, что Рикардо совсем не изменился, хотя после женитьбы на Бьянке он приобрёл большой вес в купеческом сообществе Венеции. Благодаря влиянию тестя и умным ненавязчивым советам жены, дон Рикардо Граначчи заручился поддержкой самых крупных банкиров и теперь проворачивал одну сделку за другой. Сам он практически перестал выходить в море, тогда как Алессандро, наоборот, с самой весны пропал на галерном флоте, патрулируя Длинное море и жёстко пресекая попытки тарчей захватить венецианские форты.

Шумно радуясь, Рикардо пригласил друга в дом, где уютно мерцали огоньки свечей:

– Знал, что не забудешь старого приятеля! Ужин давно готов, и у нас есть альберинское вино, чтобы достойно отметить встречу! Надеюсь, ты останешься доволен.

Алессандро засмеялся:

– Я не разборчив. На галерах в походе нам приходилось пить такое, что по сравнению с тем пойлом любое вино покажется амброзией!

После долгих недель плавания лестница слегка покачивалась у него под ногами. Рикардо, показывая путь, освещал им дорогу канделябром, от которого по стене бежали длинные тени.

Они поднялись в кабинет, где на столике возле окна был накрыт ужин. Бьянка, вероятно, давно спала. Рикардо, порывистый, как всегда, энергично придвинул стул, разлил вино и уселся напротив.

– Расскажешь, что нового в Венетте? – спросил Алессандро, взяв бокал.

После гибели графа Арсаго он, едва оправившись от ран, поступил на службу к новому дожу, однако они не сошлись характерами. Дон Сакетти желал бы держать слишком прямодушного синьора ди Горо подальше от Венетты и сенатских заседаний. Командование эскадрой галер как раз предоставляло такую возможность. Поэтому Сакетти с радостью отправил Алессандро защищать венецкие крепости на островах Альберино, Канди и Керкире, а тот и не возражал. Набеги тарчей с каждым годом становились всё жёст-

че. Всецело поглощенный новыми обязанностями, Алессандро теперь редко появлялся в Венеции.

– У нас до сих пор вспоминают церемонию «бракосочетания с морем», которую, по традиции, провел дон Сакетти. Брак в этот раз получился очень... скоростным. Было забавно смотреть, как напыщенный «Бученторо», весь в коврах и позолоте, драпает обратно в лагуну так, что у гребцов аж веслагнулись! Я слышал от моряков, что за островом Дито их встретил какой-то кошмар: гигантский полипус с такими щупальцами, что ими можно было опутать весь «Бученторо», от носа до кормы!

– Быть такого не может, – сказал Алессандро с ноткой растерянности в голосе. От рассказа Рикардо в его памяти всплыл образ того морского чудовища, с которым ему довелось «пообщаться» в крипте.

Рикардо пожал плечами:

– Мистика какая-то, да... – он понизил голос: – Но для тех, кто видел тело донна Арсаго той ночью, этот рассказ звучит правдоподобно. Энрике ведь тоже был на «Бученторо», как ближайший родственник дожа. Некоторые думают, что ему вовсе не следовало бы лезть на галеру, так как кровь Арсаго проклята морем навеки!

– В общем, – добавил Рикардо, – наш дож теперь старается держаться подальше от морских дел. Возможно, поэтому он стал ярким сторонником «земельной» политики и легко согласился на союз с тарчами, чтобы торговать через них с

Ханааном.

Эта новость ошеломила Алессандро гораздо сильнее, чем слух о появлении морского монстра. Он даже поперхнулся:

– Союз с тарчами? Ты шутишь!

– Не поверишь, но Сакетти настроен серьезно.

– После того, что они натворили в Хрисе? После Элафониси и Пароса? После расправы в Арсиное?!

На лице Алессандро засветилось такое страшное тихое бешенство, что Рикардо невольно отодвинулся вместе со стулом:

– Эй, чего ты на меня-то рычишь? Я тут вообще ни при чём. Это всё фиескийцы виноваты: они сговорились с Лигой Четырёх и готовят против нас мощнейший союз. Вот Сакетти и подумывает задружиться с тарчами. Нужно же где-то искать союзников?

– Союзников? А ты знаешь, что они сделали на Альберино? – спросил Алессандро тихим голосом. – Крепость Арсиноя держалась всю зиму. Мы не могли прийти на помощь из-за штормов. В конце концов, гарнизон решил сдаться. Тарчийский паша обещал, что позволит уцелевшим защитникам свободно уйти. Вместо этого он приказал казнить двести человек, а остальных приковать к скамьям на галерах. Когда мы вошли в крепость, там были одни развалины, по колена залитые кровью!

Рикардо сидел как на иголках, не зная, куда спрятать глаза. И вздрогнул, когда Алессандро шарахнул кулаком по сто-

лу. Жалобно тренькнуло блюдо, один кубок упал, заливая светлую скатерть багровой жижей.

– Союз с тарчами?! Завтра же я отправлюсь в Сенат с докладом. Нам нужен порох! Крепостям нечем обороняться. Нужно усилить гарнизоны!

– Ты бы поосторожнее с доном Сакетти, – хмуро предостерег Рикардо, убирая салфеткой разлившееся вино. – Недавно один из сенаторов тоже разглагольствовал, что перед угрозой тарчей нам лучше бы замирился с Фиеской, и где он теперь? Казнили за измену! Сакетти ведёт себя, как полновластный хозяин Венетты. Получив шапку дожа, он даже Джоанну ухитрился прибрать к рукам. Ходит теперь тише воды, ниже травы, как монашка. Никакого сравнения с тем, что было.

– Велика доблесть – справиться с женщиной, – хмыкнул Алессандро, широкими шагами пройдясь по комнате.

Рикардо следил за ним обеспокоенным взглядом. Его дружно набрался вольнодумства, подолгу болтаясь в море. Венетта – это тебе не колонии. Здесь за неуважение к дожу можно было быстро загреметь в темницу, откуда тебя потом сам дьявол не вытащит.

– Боюсь, что ты *слишком хорошо* защищал острова от тарчей, – сказал он со значением в голосе. – Как бы дон Сакетти не вздумал наградить тебя за это... ударом ножа в спину. Вряд ли тарчийские эмиссары будут рады увидеть тебя в Сенате!

– Но ты же меня поддержишь? – спросил Алессандро с бесхитростной уверенностью.

Рикардо, смутившись, опустил голову:

– Я вообще-то тоже не в фаворе у Сената... из-за сестрицы. Она, если ты не забыл, замужем за ариминцем, да ещё торчит тут, в Венетте, мозоля глаза нашим сплетникам! А поскольку Аримин, как всегда, держится в кильватере у Фиески, этот город теперь тоже считается нашим врагом. Говорят, что в Фиеске объявился новый флотоводец, некий капитан Антонио Маньяско. Начинал он так же, как ты – был когда-то капитаном кирасиров в Медиолане. Потом перешел на службу к фиескийскому дожу и заделался моряком. Можно сказать, пересел с лошади на галеру! Однако удача благоволит к нему: имея всего три галеры, он сумел разделаться с корсаром Кадолином. Такое не каждому под силу!

– Ну, галеры – это, считай, та же кавалерия, только морская, – впервые улыбнулся Алессандро. – Я слышан о капитане Маньяско, хоть мы пока и не встречались.

– И не приведи тебя Бог! – пылко воскликнул Рикардо. – Однажды он захватил наш галеас, шедший курсом на Сандрию. В отместку дон Сакетти арестовал на Хрисе два его корабля, куда они случайно зашли за водой. После этого мы с Фиеской рассорились насмерть. Поэтому Сакетти и начал искать сторонников на востоке...

– Союз с тарчами – это позор! – отрезал Алессандро. – Тем более, после Арсинои! Против нас восстанет весь Полу-

остров, не только северные герцогства. И они будут правы!

Рикардо угрюмо отвернулся. Конечно, его друг говорил очень правильные вещи, но такие разговоры хорошо вести посреди моря, на собственной галере, когда тебя со всех сторон окружают преданные люди! А не здесь, в Венеции, где за каждым углом может обнаружиться доносчик или шпион.

Эта дурацкая прямота Алессандро и его умение одной фразой, словно взмахом меча, чётко отделить правильный путь от лёгкого, всегда заставляли Рикардо чувствовать себя каким-то приспособленцем. Как будто с его загрубевшей совести разом содрали корку и подсунили проблему прямо под нос – на, решай! А он-то, дурак, ещё обрадовался встрече! Вечно у них всё наперекосяк... Даже аппетит пропал. Рикардо угрюмо отодвинул блюдо с нежными куропатками, плавающими в вине, и принялся мрачно ковырять вилкой дорожную скатерть, украдкой поглядывая на друга. Встал у окна и стоит. Чего там высматривать, в темноте-то?

От Алессандро веяло непривычной свободой, морским ветром и ещё чем-то... неприятно напоминающим о коварной зыбкой пучине, способной запросто поглотить целую флотилию кораблей. После той трагедии в крипте, о которой Рикардо до сих пор не мог вспоминать без дрожи, в чистых серых глазах Алессандро появился опасный блеск. Иногда он замирал, будто прислушивался к чему-то. «Это всё она виновата, проклятая ведьма!» – подумал Рикардо с внезапной злобой.

Вдруг снова накатило воспоминание: страшная, залитая кровью подземная крипта, изломанное тело дона Арсаго возле кромки черной воды и Алессандро – еле живой, с мечом в руке. Рикардо потом целую неделю не отходил от постели друга, помогая доктору, который пытался вытянуть яд из его жил и залечить две жуткие раны поперёк груди. Но когда Алессандро, наконец, очнулся, на Рикардо из чужих потемневших глаз плеснуло такой жутью, что он весь взмок до костей и на миг пожалел, что душа его товарища не отлетела к небу.

«Много ли её, интересно, осталось – той души...» – подумал он мрачно.

Из-за всеобщего переполоха и подготовки к пышным похоронам дона Арсаго никто не заметил кратковременного исчезновения Джулии. Через день сестрица вдруг объявилась, светясь от счастья, под руку с новоиспечённым мужем, который оказался знатным ариминским синьором. Рикардо, подогретый давними словами Алессандро и собственными подозрениями, припёр девочку к стене. Он знал, как на неё надавить, а Джулия никогда не умела хранить тайны. Хлюпая носом и заламывая руки, она выложила всё начистоту о своем страхе перед Арсаго, о горячей любви к дону Роберто д'Эсте и... о верной подруге Франческе, согласившейся подменить её в Венетте, чтобы влюблённые успели удрать. Рикардо впал в ярость. Если бы дон Роберто не оказался таким хорошим зятем – прибил бы негодяйку!

– Разве не безопаснее было бы твоей сестре дожидаться мужа в Аримине? – вдруг спросил Алессандро, всё ещё глядя в окно.

– Она... у неё будет ребёнок. В таком положении особо не поездишь.

– О! Поздравляю. Значит, скоро ты станешь дядей?

– Да уж, подкинул зятьёк проблем... Надо было мне тоже уйти в море! Лучше месяцы напролёт давиться солониной и лежать пластом во время шторма, чем потеть в Сенате, гадая, что за новое коварство придумает дон Сакетти!

– Ты прав. В море всё куда проще, – невесело усмехнулся Алессандро.

Его отрешённое спокойствие вдруг разозлило Рикардо.

– Потому что там не до политики? Или потому, что ты надеешься встретить там эту ведьму, Франческу? – выпалил он.

Его друг резко обернулся:

– Откуда ты знаешь про Франческу?

– Что значит – откуда? Да ты постоянно вспоминал её в бреду! Я все мозги сломал, гадая, что это за синьора! Потом уже дошло.

Их взгляды скрестились, как на дуэли, и Алессандро мысленно проклял себя за неосторожность.

– Надеюсь, ты не стал делиться этим знанием с доном Сакетти? – спросил он очень ровным голосом, от которого у Рикардо почему-то пробежал озноб по спине.

– Говорю же, я у него не в фаворе!

У него и в мыслях не было доносить на девчонку. Но по-падись эта ведьма ему в руки, он бы схватил её за шею, су-нул в канал и держал там, пока не растворится. Мало того, что она обвела его вокруг пальца вместе с этой дурищей, его сестрицей, так она ещё сбила с толку его лучшего друга!

– Давай не будем говорить о ней, – попросил Алессандро, словно подводя черту. – Лучше о себе расскажи. Как тебе женатая жизнь? Не тяготит?

Рикардо, тряхнув головой, засмеялся. Они снова вернулись к столу, бутылка вина сделала второй круг, и разговор пошел веселее. На самом деле это несложно, если избегать острых тем. Оба вели беседу с ловкостью опытных морехо-дов, обходя подводные камни и рифы. Но прежней непри-нуждённости уже нельзя было вернуть. Рикардо чувствовал трещину, пролегшую между ними; она саднила в душе и не давала покоя.

* * *

В конце концов, Алессандро не поехал в гостиницу и остался на ночь в доме Граначчи. Не хотел обижать старо-го друга. Он, возможно, и так был с ним слишком резок – служба во флоте огрубила его, поубавила утончённости. Од-нако потом, ночью, стоя возле окна, он немного жалел, что не вернулся на галеру. Там дышалось свободнее.

Здесь, в маленькой тёмной спальне, завешанной гобеленами, он задыхался, как рыба в садке. То ли от новостей, то ли от выпитого вина в голове немного шумело. Алессандро усмехнулся, вспомнив расхожую шутку: мол, моряки потому и надираются на берегу, что хотят ощутить привычное шатание палубы под ногами.

Он с досадой посмотрел на гостеприимно откинутый полог кровати. Наверное, он просто отвык от Венетты, от её каменного эха и туманных ловушек. Ничего, это ненадолго. Ему нужно продержаться лишь несколько дней, навести шороху в Сенате и во что бы то ни стало добыть припасов для крепостей, а потом можно будет снова вернуться в море, к привычным морским просторам и старым обязанностям.

Напомнив ему о Франческе, Рикардо разбередил старую рану. Алессандро действительно мечтал её отыскать. Лучше сделать это сейчас – до того, как её найдёт дон Сакетти! В чём-то новый дож был ещё опаснее покойного графа Арсаго. Сакетти привык действовать исподволь, незаметно и, желательно, чужими руками. Ты плаваешь себе, шевелишь плавниками, а потом – раз! – и ты уже у него на крючке.

Месяц назад Алессандро узнал, что люди нового дожа побывали на острове Мираколо. После этого старая настоятельница скончалась, а девушек-послушниц родственники быстро разобрали по домам. В монастыре остались лишь несколько дряхлых старух. Что случилось с рукописями и книгами, посвященными древнему искусству *кьямата*?

Этого никто не мог сказать точно.

Глава 3

Венетта, бывший дом графа Арсаго

«Что за мрачный домище!» – подумала Джулия, озираясь в просторном гулком холле палаццо, принадлежавшего раньше графу Арсаго. Резные колонны блестели как лёд. По углам из теней выступали высокие вазы, выточенные в форме гигантских осьминогов. Сумрачный свет создавал впечатление, что ты находишься под водой, но для донна Арсаго, с его тягой к морской магии, это, наверное, было самое то.

Здесь пахло сыростью и запустением. Уже больше года в этом доме никто не жил. Сразу после похорон графа Арсаго его вдова перебралась в загородную виллу, а потом вообще удалилась в обитель. Энрике, единственный сын и наследник, после женитьбы на Инес приобрел новый дом недалеко от палаццо Сакетти. Никто из них не горел желанием возвращаться сюда. Слишком много страшных воспоминаний...

Поднимаясь по лестнице, Джулия гадала: интересно, где находится вход в ту ужасную крипту? Не дай бог, он где-то поблизости! Ей повсюду мерещился тяжёлый дух, поднимавшийся снизу, будто тело донна Арсаго, раздувшееся от яда, все ещё лежало в подвале. Невольно прикрыв ладонью живот, словно пытаясь защитить будущего ребёнка, она ускорила шаг, чтобы не отстать от подруг.

Они с Бьянкой приехали, чтобы помочь Инес разобраться

оставшиеся вещи и отвезти часть из них в дом к Джоанне, а другую часть – к молодожёнам. «Наверху остались неплохие ковры и кое-что из одежды, – говорила хозяйственная Бьянка. – Я сложила всё в сундуки, но лучше взгляни сама».

Опустевший дворец дон Сакетти собирался подарить синьору ди Горо, как награду за доблестную службу на островах. Догаресса Джоанна, которой всегда нравился Энрике Арсаго, позволила себе съязвить по этому поводу:

– Безусловно, служба Алессандро ди Горо принесла много пользы Венетте, и он хорошо сделал, что прогнал тарчей подальше от наших фортов, но всё равно, такой подарок – это неуважение к покойному дону Арсаго и к бедному Энрике!

Впрочем, донна Джоанна осмеливалась ворчать лишь тогда, когда её не слышал грозный супруг, поэтому никто не обращал на неё внимания. Джулия только хмыкнула: мол, много радости синьору ди Горо от такого подарка! Если вспомнить, что он пережил в крипте, пытаясь спасти графа от морской твари, то такой подарок вообще можно было считать издевательством!

Джулия ничего не имела против Алессандро. Он был товарищем Рикардо с самого детства и иногда демонстрировал весьма неприятную пронизательность, но это, с её точки зрения, был простительный недостаток. Близкий друг её брата уж точно не заслуживал такой «награды»: жить в этом склепе, где из каждого угла на тебя таращились безглазые тени, а тишина давила так, будто гнилая душа дона Арсаго не

провалилась в ад (на что Джулия тихо надеялась), а осталась где-то в доме, продолжая творить свои чёрные дела. «Нужно будет намекнуть Рикардо, чтобы пригласил Алессандро пожить у нас, пока он в городе», – подумала девушка.

Комнаты на втором этаже, из которых вынесли всю мебель, казались нелепо ободранными и пустыми. Бьянка открыла одно из окон, чтобы впустить свежий воздух, и в комнату сразу ворвался шум с Большого канала. По сравнению с кипучей энергией улицы, дом Арсаго казался мёртвым – мертвее пыльного гобелена, забытого на стене. Острый глаз Джулии заметил пятна плесени, кое-где проступавшие на штукатурке, и она вздрогнула, когда в одном из пятен вдруг проявились очертания оскаленной пасти. Или у неё просто разыгралось воображение?

– А вид отсюда хорош, – заметила Бьянка, никогда не верившая в привидения и прочую чушь. – Не жалеешь, что вы съехали отсюда?

Инес безразлично покачала головой:

– Мне этот дом не нужен. От его лепнины и той жуткой фрески в холле у меня просто мороз по коже! Мы с Энрике вполне можем быть счастливы и в нашем маленьком доме!

Джулия отметила, что по лицу Бьянки скользнула понимающая усмешка. Инес действительно слишком часто повторяла в последнее время: мы вполне счастливы, счастливы, счастливы... Будто хотела стереть воспоминания о днях, проведённых прошлой весной в палаццо Арсаго, из своей

памяти, а главное – из памяти Энрике. Джулия избегала задавать вопросы о тех событиях – ведь предполагалось, что она видела всё собственными глазами. Хотя на самом деле её роль в те дни играла Франческа.

«Вот бедняжка! – внезапно подумала она о подруге. – Я бы сошла с ума в такой обстановке!»

Пожалуй, она недооценила услугу, оказанную Франческой. В первый раз её кольнула совесть за то, что она так легко отмахнулась от подруги, поручив её заботам Манриоло. Дон Роберто за него ручался, но Джулии этот парень не внушал особого доверия... Ну, ничего. Как только Роберто вернётся, он отыщет и своего бывшего слугу, и Франческу. Как же здорово они заживут все вместе в Аримине!

Джулия, как никто, умела отгораживаться от проблем. Нужно просто верить в хорошее, и тогда оно сбудется! Это дом виноват – навёл её на мрачные мысли. Интересно, сколько ещё Бьянка и Инес собираются здесь торчать? Вещи уже лежат в сундуках – зови слуг и неси!

Вдоль стены стояли сундуки-кассоне с откинутыми крышками, доверху набитые рухлядью. Джулия заметила свёрнутый алый плащ из рытого бархата с меховой оторочкой – и все тягостные мысли мигом испарились из её головы.

– О, Мадонна, какая прелесть! – воскликнула она так громко, что Бьянка с Инес разом умолкли, обернувшись к ней.

Схватив плащ, Джулия встряхнула его и приложила к

себе. Вот счастливица Инес, которой дарят одну красивую вещь за другой! Как бы Энрике ни относился к молодой жене, денег на наряды он явно не жалел. Не то что Рикардо! Её братец умело притворялся глухим всякий раз, когда ей удавалось затащить его в модную лавку.

– А, так это же твой, – улыбнулась Инес. – Помнишь? Он так понравился тебе в прошлом году, что я его тебе подарила.

Бьянка, кашлянув, сдвинула брови, но Джулия не заметила этого, всецело поглощенная обновкой. Подумать только, этот плащик теперь её! Только её! О, как великолепно она будет выглядеть сегодня вечером, прогуливаясь в гондоле!

Суровый голос невестки безжалостно выдернул её из сладостных мечтаний:

– Кажется, там пришел баркас за вещами. Джулия, сходи, посмотри.

Джулия мысленно скривилась, стараясь не подавать виду. Ох, уж эта Бьянка! Вечно ей нужно командовать! Портит им всё веселье!

– Сходи сама, – попросила она слабым голосом, положив ладонь на живот, и даже ойкнула, будто почувствовав толчки. В последние месяцы она ловко научилась использовать свою беременность, чтобы увильнуть от неприятных обязанностей в доме брата.

– Хорошо, – сухо ответила Бьянка. – Я схожу.

Набросив на плечи подаренный плащ, Джулия едва удерж-

живалась от улыбки. После первого месяца, когда ей казалось, что она умрёт от тошноты, ребёночек совсем не доставлял ей хлопот. Зато как удачно всё получилось! Не будь этого ребёнка, ей пришлось бы после отъезда мужа вернуться в Аримин и коротать дни со свекровью. В Венетте было гораздо веселее! Рикардо почти не досаждал ей нравочениями. Разумеется, она замечала, что брат при виде неё хмурил брови – она же не дура. Однако у него хватило совести не выставлять беременную сестру за порог, пусть даже она замужем за ариминцем. И вообще, какое ей дело до Сената с его завихрениями!

Она вздрогнула, когда Инес вдруг предложила:

– Пойдём, взглянем на остальные комнаты?

– Зачем? – вяло отмахнулась Джулия и прислушалась.

Шаги Бьянки уже затихли внизу. – Здесь везде одно и то же.

Пыль, сырость и пустота.

«Будь моя воля, я вообще спалила бы этот дом дотла!»

– Когда ты прошлой весной гостила у донны Арсаго, нас поселили в одной комнате, помнишь? Пойдём, посмотрим.

Глаза у Инес загорелись каким-то новым азартом. Джулия ласково погладила ладонью пушистый мех на оторочке плаща. Алые бархатные складки стекали по её фигуре, как пламя. После такого щедрого подарка неудобно было отказаться... Хоть и непонятно, зачем Инес вздумалось шататься по дому?

Она нехотя поплелась за подругой. Инес, напористо шур-

ша шёлковыми юбками, так и летела вперед. Вдруг она резко остановилась и распахнула двустворчатые двери. Джулия осторожно заглянула внутрь.

Спальня как спальня. Здесь царило такое же запустение. Снова голые окна без занавесок, возле стен – две резные кровати с содранными балдахинами. В глубине комнаты возвышался шкаф-кабинет из тёмного, почти черного дерева, с двумя дверцами внизу и множеством маленьких ящичков. Он торчал, как одинокий могильный камень посреди поля. Больше смотреть было не на что. Инес, однако, казалась напуганной. Она почти дрожала, обхватив себя за локти. Её глаза болезненно блестели.

– Каждый вечер мы разжигали камин, и всё равно на стенах появлялись влажные пятна, помнишь? – прошептала она. – А этот шкаф постоянно скрипел. На ночь я подпирала его дверцы стулом. В темноте казалось, что они вот-вот распахнутся, и на пол вывалится клубок мерзких щупалец. Ты меня однажды так напугала... Помнишь?

«Бедная Франческа, она жила с сумасшедшей!» – подумала Джулия, но теперь её саму напугал нехороший блеск в глазах Инес. Однажды, будучи в Аримине, они с Роберто заехали к одному синьору, который держал зверинец. В одном из вольеров сидела рысь. Она точно так же следила за Джулией пристальным немигающим взглядом. Это было жутко!

– Помню, помню, – торопливо закивала она, – а теперь пойдём-ка отсюда. Кажется, Бьянка нас зовет. Слышишь?

– Я тебя тогда ненавидела, – заявила Инес так бесстрастно, будто речь шла о погоде. – Ведь Энрике должен был жениться на тебе...

– Ну, это дело прошлое, – перебила Джулия, растянув губы в улыбке. – Теперь-то всё изменилось!

Для всех было неожиданностью, когда Инес внезапно заявила желание стать женой Энрике. Тот был так шокирован смертью отца, что ничего вокруг не замечал. Фактически Инес сама сделала ему предложение. Джулия с Бьянкой не раз обсуждали между собой её поведение и нашли его слегка ненормальным. Энрике, конечно, довольно милый – тут Джулия вспомнила, что сама влюбилась в него при первой встрече, ещё до того, как мать доверила ей тайну об их родстве, – но всё-таки он не настолько хорош, чтобы терять из-за него разум!

Правда, Инес всегда была несколько странной. Замкнутая, отстранённая, вечно витающая в облаках. Кто знает, что за фантазии водятся у неё в голове...

«Чего доброго, ещё пырнет ножом на почве воображаемой ревности! – перепугалась Джулия. – И куда запропастилась Бьянка, когда она так нужна?!»

Лязг решетки, открывающей проход на пристань, прозвучал для неё райской музыкой.

– Я пойду, помогу! – выпалила она, вихрем вылетела из спальни и чуть ли не бегом спустилась по лестнице, забыв, что доктор предостерегал её от подобных нагрузок.

С причала доносился плеск воды, весёлые голоса слуг и носильщиков, изредка прерываемые резкими приказами Бьянки. После насторожённой тишины пустых комнат эти звуки казались такими обыденными, такими успокаивающе нормальными! Переведя дух, Джулия поспешила им навстречу, мечтая поскорее выбраться из затхлой атмосферы на яркое солнце. «Нет уж, больше я сюда ни ногой! – подумала она, запыхавшись. – В этих стенах самой спятить недолго!»

* * *

Венетта, Дворец дождей

Выйдя из Зала заседаний на залитый солнцем внутренний двор, Алессандро облегчённо вздохнул. Словесный поединок, который ему только что пришлось выдержать с изворотливым доном Сакетти в присутствии других сенаторов, по накалу страстей не уступал галерному бою. Драться в море было даже проще – никаких тебе увёрток и недомолвок.

Он медленно спустился по широкой каменной лестнице. Неподдалёку шумела площадь; под аркадами, протянувшись вдоль стены, прятались от солнца менялы и банкиры. Деловая жизнь в Венетте, как всегда, была ключом. Алессандро мысленно поздравил себя с тем, что ему удалось добиться главного: отправки большого вооружённого корабля с порохом и припасами для крепостей на Канди, Альберино и

Керкире. Позади в галерее раздалось гулкое эхо чьих-то шагов. Разумеется, это был Рикардо – кто же ещё. Догнав, друг хлопнул его по плечу:

– Поздравляю! Твоя речь была великолепна!

– Надеюсь, – коротко ответил Сандро.

Ещё бы, он столько её репетировал! Доклад о ситуации в восточных морях стоил ему двух бессонных ночей. Ну, не мастер он плести словесные узоры! Хороший меч был более эффективным средством убеждения – жаль, что в Сенате этот аргумент нельзя было применить. Иногда прямо руки чесались.

Алессандро покосился на золотую рукоять подаренного меча. Дождь счёл нужным наградить его за службу, одарив парадным оружием и передав в его владение палаццо Арсаго на Большом канале. Пришлось кланяться и благодарить, хотя Сандро мысленно поклялся себе, что ноги его не будет в том доме. Блеск самоцветов на рукояти слепил глаза. Лично он предпочёл бы получить ещё один корабль, по самые леера набитый порохом, но увы – такого подарка от Сената не дождёшься. Он надеялся, что его речь о бедственном положении крепостей заставит их призадуматься. Дон Сакетти сегодня выглядел так, будто съел мешок кислых слив. Тем не менее, ему хватило наглости подняться из высокого кресла и прочувствованным голосом объявить о торжественной поминальной службе в Соборе в честь всех воинов, ценой собственной жизни защитивших границы Республики.

«Если бы вы раньше прислали подмогу, то теперь не пришлось бы чувствовать столько погибших!» – думал Алессандро с бессильной злостью. Новый дож, с его вкрадчивыми манерами и длинным носом, похожим на шпирон галеры, раздражал его неимоверно.

– Рад, что у тебя хватило ума отказаться от титула! – болтал Рикардо. – Хотя «герцог Альберино» – это звучит достойно!

Да уж, только титула ему не хватало.

– Я согласен защищать наши крепости с моря и даже возглавить флот, если понадобится. Но я не готов целыми днями торчать на берегу, разбирая бесконечные жалобы и тяжбы, – объяснил Аллесандро.

– Значит, дело только в твоей любви к морю? – нахмурился Рикардо. – А я думал, что ты разгадал коварство Сакетти. Остров Альберино слишком далеко отсюда. Шестьсот лиг, не меньше.

– Пятьсот пятьдесят, – не раздумывая, поправил Сандро.

– Пусть так – всё равно далеко. Когда тарчи, как саранча, налетят на остров, дон Сакетти заявит, что мы бессильны помочь и можем разве что помолиться об удачном исходе дела! Вряд ли он разбежится послать галерный флот вам на выручку!

Алессандро пожал плечами:

– Значит, придётся справляться самим.

Здесь, на площади, окружённой слепяще-белыми стена-

ми, чуть дрожащими в горячей дымке, ему вдруг явственно вспомнились пологие зелёные холмы Альберино и сосновые леса острова Канди, тёмными кронами оттеняющие бирюзовую морскую гладь. На северо-западном берегу острова грозно высились бастионы Ханьи, выпячивая круглые широкие башни, будто предупреждая: «даже не пытайтесь». На Канди имелась даже собственная верфь, где можно было ремонтировать галеры и укрывать их на зиму. Это делало его менее зависимым от венеццианского Арсенала. Хотя эти острова давно принадлежали Венеции, они привыкли обходиться своими силами. И своим умом. Лапа священного Золотого Грифона редко дотягивалась до их берегов...

«Франческе бы там понравилось», – неожиданно подумал Алессандро, но тут же одёрнул себя. Размечтался. Хорошо бы сначала её найти!

– Больше всего меня радует, что Сенат, хоть и со скрипом, согласился снарядить на Альберино «купца» с сопровождением. Нужно поторопить людей в Арсенале. Отправим корабль скорее, пока Сакетти не передумал!

– Надо было просить три, – пошутил Рикардо. – Три корабля! Это же главное правило переговоров: проси больше, и тогда Сенат будет рад согласиться на меньшее!

– Жаль, что мне это раньше в голову не пришло. И почему хорошие мысли вечно опаздывают на час-полтора?

Посмеявшись, они вышли к Пьяцетте, где было прохладнее. Свежий, резкий ветер с моря разгонял жару. Высоко над

плоскими крышами поднималась верхушка Кампанилы. В тёмной воде покачивались гондолы, похожие на вытянутые чёрные башмаки с загнутыми носами. Ближе к краю площади высились две колонны, увенчанные статуями грифонов. Словно врезанные в голубое небо, грифоны сурово озирали город из-под облаков.

– Сакетти теперь не оставит тебя в покое, – предупредил Рикардо. – После твоей речи в Сенате даже полный болван догадается, что продвигать союз с тарчами сейчас было бы просто глупо. Боюсь, дож затаит злобу. Ты нарушил все его планы!

– Вообще-то я не заметил, чтобы политика нашего дожа пользовалась всеобщим одобрением. Большинство сенаторов просто помалкивают.

– Ну, ещё бы! Наша старая знать подобна политическим флюгерам, чутко реагирующим на любое дуновение из Этуро и северных герцогств. Эти рисковать не станут. Дон Сакетти опирается на поддержку купцов и гильдий, которым придётся в первую очередь развязать кошельки, если начнётся война.

Алессандро покачал головой:

– Думаю, если бы сегодня в собрании присутствовали эмиссары Лиги Четырёх, то наш дож держался бы гораздо скромнее! Кстати, это мысль. Ты не хочешь совершить деловую поездку в Медиолан? А я пока прощупаю обстановку здесь, в городе.

– Что мне делать в Медиолане? – искренне изумился Рикардо.

– Найдешь там Джеронимо Фарузи, графа Онейли. Он имеет большое влияние в Лиге. Недавно мне посчастливилось оказать ему услугу, так что он прислушается к твоим словам. Я напишу ему письмо, а ты доскажешь всё остальное. Ты же купец – у тебя язык подвешен ловчее. Попытайся продать ему мир с Венеттой.

Рикардо даже присвистнул:

– Это будет непросто!

– Зато, если дело выгорит, это будет венцом твоей торговой карьеры! Тарчи и джазирские пираты, которые разбойничают под их началом, мешают Лиге на морях не меньше, чем нам. Думаю, Фарузи согласится приехать. Вместе с ним мы убедим дону Сакетти подписать мирный договор.

После долгого молчания Рикардо хмыкнул:

– Что ж, это может сработать. Подумаем. Есть у меня один козырь... Если граф согласится, мы вернёмся через две-три недели. Постарайся за это время не дать себя убить.

Алессандро не ответил. Ветер с моря вдруг принёс странное ощущение предвкушения, предчувствия... Он застыл и очнулся, лишь когда Рикардо толкнул его в бок.

– Эй, ты что, заснул на ходу?

Встретив отрешённый взгляд друга, Рикардо отвернулся с досадой. Опять эти его... странности! Между ними повеяло холодком. Потом Алессандро смущённо улыбнулся:

– Это находит на меня, как обморок на больного. Не обращай внимания. Когда месяц напролёт болтаешься по волнам в утлой скорлупке, поневоле учишься слушать море!

На пристани, где покачивались гондолы, они расстались. Алессандро направился в Арсенал, а Рикардо предстояло готовиться к долгому путешествию в Медиолан. Однако, уходя с площади, Сандро опять оглянулся. Сегодня у ветра был странный запах. Он словно хотел предупредить о чём-то. Море явно готовило Венетте какой-то сюрприз.

Глава 4

у восточного берега Полибийского полуострова

Погода для плавания была самой подходящей, и попутный ветер быстро гнал нашу фелуку вперед. Я с нетерпением считала часы до того момента, когда снова увижу знакомые очертания Венецты, похожие на мираж, зависший в воздухе между морем и небом. Кроме того, мне не терпелось избавиться от синьора Алонзо с его показным добродушием. Он как-то странно действовал на Манриоло.

Мой друг, казалось, мыслями уже перенесся в Венецту, этот город неисчислимых возможностей и приключений. Он болтал с матросами и капитаном, хвастался прошлыми подвигами, беззастенчиво привирая для красоты, а на меня смотрел, как на докучливую обузу. Целый год мы прожили душа в душу, но вот стоило появиться обаятельному капитану – и вся дружба пошла пескатору под хвост!

Я пыталась игнорировать неожиданный сдвиг Манриоло, но это было непросто. На маленьком судне уединение – редкая роскошь. Правда, нам, как гостям капитана, выделили крошечную каюту на корме. Даже не каюту, а закуток, отгороженный грубой промасленной тканью. Он был таким тесным, что, раскинув руки, можно было коснуться обеих переборок. Мы побросали там свои вещи и решили, что приятнее проводить время на палубе. Манриоло помогал – или,

вернее, мешал – матросам, стараясь произвести на них впечатление, а я коротала часы, следя за ходом фелуки. Стоило нам приблизиться к берегу, как наш корабль атаковали стаи горластых чаек. Пульчино легко нашёл с ними общий язык. Иногда он на целый день улетал со своими собратьями, но всегда возвращался к ночи.

Фелука совершила очередной манёвр, взяв курс на север, и меня накрыло тенью от вздувшихся парусов. Море вокруг блестело серебряным и зелёным. Перегнувшись за борт, я вдруг увидела, как позади, за кормой вздулся водяной гребень. Наше судно догоняла какая-то крупная рыбина!

Мгновенный испуг сменился облегчением, когда Манриоло резко хлопнул в ладоши – и тень выметнулась из воды, блеснув мокрым боком. Сверкающие брызги веером разлетелись вокруг. Это был Гриджо – «морской конь», прирученный Манриоло. «Вот показушник!» – с досадой подумала я про ариминца. Матросы восторженно заорали, подначивая его на новые шутки. Подчиняясь приказам Манриоло, валлуко то обгонял судно, то огибал его по кругу, то снова высоко взлетал над водой. Капитан посмеивался вместе со всеми, однако в его прищуренном взгляде мне виделась неприятная цепкость.

Больше всего я боялась, что Манриоло, расхваставшись, выдаст и мою тайну. Как-то вечером в Перне, поддавшись откровенности, я рассказала ему о Карите. Прошлой весной в Венетте некоторые друзья дона Арсаго решили испытать

мои способности *кьямата* и «подарили» мне горлодёрку, с тайной надеждой, что она прикончит меня на месте. Надежды не оправдались. Мы с Каритой сумели поладить, более того, однажды она защитила меня от убийцы. Мне не хотелось, чтобы эта история дошла до слуха синьора Алонзо. Иногда чужое любопытство обходится нам слишком дорого.

Выждав момент, когда все матросы были заняты делом, я украдкой поманила к себе Манриоло и выбрала его от души:

– Что ты творишь?! Разве дар *кьямата* даётся для развлечения? Чтобы устраивать цирк на потеху толпе? Тебе нельзя так долго находиться в мысленной связи с Гриджо, это опасно! Я же сто раз объясняла! Причём опасность здесь не только для тебя, но и для него тоже!

Увы, мои слова бесцельно канули в воздух. Манриоло, окрылённый успехом у публики, только пожал плечами:

– Да не бойсь – я знаю, что делаю. И Гриджо любит играть. Я чувствую его настроение. Теперь я вообще чувствую его гораздо лучше, чем раньше. Ты отличный учитель! – похвалил он, снисходительно похлопав меня по плечу.

Я была ужасным учителем, если благодаря мне Манриоло додумался рисковать здоровьем валлуко ради «почётной» роли палубного шута! Но переубедить эту бестолочь было невозможно. Я вздохнула:

– Ладно, делай как знаешь. Может, тебе действительно стоит чаще общаться с Гриджо. Вдруг он сумеет добавить

тебе немного мозгов!

Мне пришлось сбавить тон, чтобы нас не подслушали. Один из матросов как раз шёл в нашу сторону, разматывая бухту каната. Манриоло, заметив его, вдруг нахально приобнял меня за талию:

– Кажется, моя милая сегодня выгонит меня ночевать на палубу! – подмигнул он матросу, сопроводив эти слова фривольной улыбкой. От возмущения у меня аж дух захватило. В Перне он никогда ничего такого не позволял себе! А тут? Захотелось покрасоваться перед командой? Выставить себя этаким ловеласом, который играючи может соблазнить любую пташку с куста?

Разозлившись, я отпихнула его и ушла в каюту. Жаль, что её отделял от палубы только занавес, который нельзя было злобно за собой захлопнуть!

После яркого света палубы меня ослепил полумрак. Стоячая я ударилась коленом об угол лежанки, что тоже не улучшило моего настроения. Здесь было так тесно, что мы с Манриоло вечно на что-нибудь натыкались. Но сейчас я предпочитала сидеть в тесноте и духоте, а не служить мишенью для дурацких матросских шуток! С палубы доносились смешки. Манриоло, поди, опять разошёлся вовсю. Ну, и Хорро с ним!

Смахнув с лежанки какие-то вещи, я уселась, хмуро подперев щёку рукой. В таком виде меня и нашёл Пульчино, вернувшийся вечером. Я поделилась с ним своим возмущением, но Пульчино меня не поддержал:

– Да ему хочется утвердиться в новой стае, а на корабле, где у каждого есть своё место, это не так-то легко! Для парней синьора Алонзо он неудачник. Нищий изгнанник, застрявший в рыбацьем посёлке.

– То есть он пытается спасти свою гордость, ущемив при этом мою? Ну, знаешь, я против!

– Ничего, скоро к нему все привыкнут, и тебе больше не придётся отсиживаться в этой норе! – утешил меня Пульчино.

– Да, умеешь ты успокоить...

После выговора, который я устроила Манриоло, меня посетило новое беспокойство. Я подумала, что замечания Пульчино отличались удивительной меткостью, и вообще, за годы нашей связи он научился мыслить почти как человек. Раньше я не придавала этому большого значения, но теперь вдруг задумалась: в кого я его превращаю? Наша дружба казалась естественной, как дыхание – но к чему она могла привести?

Позже, воспользовавшись темнотой, я незаметно вышла на палубу. Море мягко укачивало фелуку на маслянистых волнах. В небе таял закат, грязно-розовый, как рыбы жабры. Вся команда собралась вокруг котелка с бобовой похлёбкой. Пахло солониной, грубоватыми шутками, усталостью после долгого дня и тем особым умиротворением, которое наступает, когда люди чувствуют, что неплохо потрудились за день и теперь с полным правом могут предаться отдыху. Манрио-

ло тоже был там. До меня по-прежнему доносились смешки и обрывки разговоров, но теперь я постаралась отрешиться от этого, впитывая приглушённое бормотание волн, запах смолы и соли, поскрипывание снастей, тысячи таинственных ночных звуков... Наконец, я почувствовала себя просто точкой, скользящей навстречу невидимому горизонту. Сосредоточившись, я попробовала позвать бедного Гриджо, но никто не ответил. Море, простиравшееся вокруг, оставалось тихим и безмятежным, только стайка дорадо испуганно метнулась прочь от моего зова. Наверное, валлуко сегодня совсем измучился. Ну, Манриоло! Эгоист несчастный. Поделом ему, если Гриджо захочет уплыть насовсем!

* * *

На третий день вдруг задул свежий встречный ветер, так что часть пути нам пришлось проделать на вёслах. К вечеру все вымотались настолько, что даже Манриоло немного притих.

– Сегодня пораньше пристанем к берегу! – распорядился синьор Алонзо. – Спешить нам особо некуда.

Он был прав. По рассказам моряков я знала, каким коварным бывает ночное море. В темноте запросто можно сесть на мель или налететь на скалу!

Впереди как раз показался Пицене – шумный городок с рыжими черепичными крышами, черными иглами кипа-

рисов и традиционным замком на холме. Грубые приземистые башни, расположенные по углам крепостной стены, казалось, проседали под тяжестью облаков. В порту на рейде стояли два больших корабля, в одном из которых – по округлому корпусу и высоким надстройкам на носу и на корме – легко было признать венецкий «купца». Сердце у меня зачастило. Капитан этого судна почти наверняка был знаком с Рикардо Граначчи... а может, и с Алессандро.

Грязный, крикливый порт встретил нас шумом и толкотнёй. Синьор Алонзо, хлопнув по плечу местного чиновника, принялся расспрашивать насчёт стоянки и приличной таверны. Я заметила, что он также поинтересовался насчёт той венецкой каракки. Корабль из Венецты возбудил не только моё любопытство.

– Хочешь попробовать?

Вздвогнув, я очнулась от мыслей. Рядом со мной стоял Манриоло, протягивая кулёк, сложенный из виноградных листьев. В кулке была горсть оливок. И когда только он успел их добыть?

– Пройдёмся немного, – предложил он. – Синьор Алонзо сам обо всём договорится. Всё равно до завтра мы отсюда не двинемся.

Судя по оливкам и мирному тону, он старался меня задобрить. После вчерашней размолвки мы так и не помирились. Манриоло остался ночевать на палубе с матросами, а я всю ночь пролежала без сна, прислушиваясь к усталому по-

скрипыванию переборок и размеренному плеску волн.

Чем дальше мы отходили от порта, тем спокойнее и тише было вокруг. На молу торчали рыбацкие домишки на сваях, похожие на дозорных, бдительно следящих за морем. Ветер, так некстати задержавший нас в пути, трепал растянутые для просушки сети.

У оливок был крепкий, солоноватый вкус, но меня это не смягчило.

– Мне не нравится, что ты выставляешь меня душой перед людьми синьора Алонзо, – прямо заявила я. – Что это за представление было вчера? Я тебе не невеста и не жена!

– Твои слова разбивают мне сердце, – нарочито вздохнул Манриоло, но, споткнувшись о мой хмурый взгляд, посерьёзnel: – Ладно. Будь ты моей невестой, всё было бы проще. В команде у синьора Алонзо есть разные люди, и кое-кто из них не прочь воспользоваться ситуацией. Взять хотя бы Джованни с Барилем. На последней стоянке они едва не разыграли тебя в кости! Хорошо, что капитан вовремя вмешался. Если донна Джулия когда-нибудь узнает об этом, она оторвёт мне башку и скормит её морренам! Пусть лучше эти невежи думают, что ты со мной...

У меня запылали щёки. Раньше мне не приходилось сталкиваться с подобной грубостью. В монастыре на Терра-деи-Мираколи, разумеется, не было мужчин, кроме старого Ванощи, вечно дремавшего в будке около ворот. Но Ванощи был так стар, что вопрос о его поле можно было считать несущ-

щественным. Он казался ровесником монастырских стен. После этого, в Венеции, я жила под защитой Рикардо и донны Ассунты, ну а в Перне рыбаки так боялись моих талантов, что не осмеливались позволять себе вольности. «Попробуй-ка оскорби морскую ведьму – и потом будешь целый месяц хлебать пустой суп из капусты!» – вот что они, вероятно, думали. В Перне я была в безопасности. А теперь?

Мир не был благожелателен к одиноким женщинам вроде меня. Что мне делать в Венеции? К кому обратиться за покровительством? Вероятно, Джулия могла бы меня защитить, но ещё неизвестно, как на это посмотрит Рикардо. Прошлой весной я обвела его вокруг пальца, выдав себя за его сестру, и в отместку он вполне мог упрятать меня в тюрьму. Для простой девушки назваться патрицианкой – это преступление, и не важно, насколько благородными были мои мотивы! А поскольку муж Джулии находился в отъезде, за нас некому будет заступиться. Разве что Алессандро... но я запрещала себе думать о нём. Может, он вообще меня презирает. Страшно подумать, что ему пришлось пережить тогда в крипте! А всё из-за меня. Вряд ли он обрадуется, если я опять появлюсь у него на пути!

Манриоло тем временем продолжал извиняться. Спыхватившись, я поняла, что пропустила его последние слова мимо ушей.

– Ладно, забыли.

Ссориться расхотелось. В конце концов, какая разница,

что подумают или не подумают про меня синьор Алонзо и его люди! Через день-другой мы расстанемся и, надеюсь, больше никогда друг друга не увидим.

Размышляя каждый о своём, мы повернули обратно к порту и шумным торговым рядам. На постоялом дворе стоял дым коромыслом. В зале было так тесно, что яблоку негде упасть! Манриоло ввинтился в толпу у стойки, чтобы найти хозяина, а я отошла в сторонку, пропустив запыхавшуюся девушку с подносом, и огляделась. За отдельным длинным столом я увидела синьора Алонзо с помощником в компании каких-то важных господ. Уж не капитан ли той каракки сидел напротив него? Пожилой седоволосый синьор был очень похож на венецианца. Об этом говорила и его солидная одежда темных тонов, и напористая манера речи. Его спутники выглядели попроще и больше помалкивали. Может, это охранники? Зато синьор Алонзо, как всегда, болтал за троих: речисто блестел зубами, улыбался, постоянно подзывал разносчиц, требуя то жаркого из козлятины, то ветчины, то новый кувшин вина. Похоже, все они отлично проводили время.

– Я, наверное, пойду к ним, чтобы узнать, нет ли чего нового, – сказал Манриоло, внезапно появившийся рядом со мной. – А ты, если хочешь, поднимайся наверх. Здесь всё забито, но мне удалось сторговать одну комнату. Хоть сегодня выпьемся как нормальные люди, в нормальных постелях! Господь свидетель, мне надоело сгибаться, как склад-

ной нож, чтобы втиснуться в тот сундучок, который Алонзо гордо называет каютой! И я устал засыпать на палубе под храп Барилля! Он так рычит во сне, будто воображает себя медведем!

Я невольно засмеялась, взяла ключ и пошла наверх. Мне тоже хотелось узнать новости из Венетты, но в свете нашего последнего разговора напрашиваться в компанию к подвыпившим господам было бы очень глупо. Потом не оберёшься проблем, даже если Манриоло поклянётся перед всеми, что я его родная жена! Так что я смирилась и решила, что лучше выплусь.

Комната с тёмными балками под низким потолком встретила меня тишиной и покоем. Снизу отдалённо долетали всплески голосов и звон посуды. Постель выглядела вполне удобной, а в умывальнике была вода. Что ещё нужно усталому человеку? Охапка сена на полу, накрытая одеялом, видимо, предназначалась для Манриоло. Хмыкнув, я раскрыла окно. Где-то вдалеке брехали собаки. Скользкий рыбный запах, ударивший в ноздри, на миг заставил меня вспомнить о Перне. Здесь было так же спокойно и тихо. Громкие события, бушевавшие в Венетте, Фиеске, Этгуро и Медиолане, обходили этот городок стороной. Здесь, в основном, жили люди, которым больше нравилось быть зрителями происходящих где-то событий. «Идеальное место для тех, кого потрепало жизненным штормом», – подумала я про себя. Потом забралась в пахнущую лавандой постель и решила хотя

бы на эту ночь выбросить из головы все тревоги.

Несмотря на усталость, заснуть удалось не сразу. Оказалось, я привыкла к убаюкивающей качке и скрипучей жалостной песне фелуки, и теперь мне этого не хватало. Было душно, голоса посетителей внизу постепенно затихли. Кажется, я задремала... но внезапно чей-то вскрик безжалостно вырвал меня из сна. Подскочив, я села в кровати. Темнота была глубокой, как вода, только в глубине комнаты выделялся более светлый квадрат окна. В ушах до сих пор противно звенело.

Что-то случилось, пока я спала. Что-то плохое. Только не здесь, на берегу, а в море.

Глава 5

– Вероятно, взорвался пороховой погреб, – мрачно рассказывал синьор Алонзо. Его плечи ссутулились, глаза были в красных прожилках от недосыпа и усталости. – Такое случается. Одной искры достаточно, чтобы угробить целый корабль.

Вечерело. Мы сидели в той же таверне, где помимо нас собралась добрая половина населения Пицене. Солнце клонилось к закату, и пыльный воздух в комнате наискось пронизывали рыжеватые лучи. Сегодня никто не веселился – все были слишком подавлены случившимся. На рассвете венецианская каракка «Доменико» снялась с якоря с утренним отливом, но не успел корабль скрыться из виду, как на нём громынуло, вспыхнуло пламя, и над бухтой потянулись клубящиеся вонючего черного дыма. Солнце, поднявшееся над краем низких холмов, осветило накренившиеся мачты и вздыбленный нос несчастного судна.

– Дьяволово оружие – этот ваш порох, – пробурчал какой-то рыбак, чьи обвислые усы ещё больше подчеркивали скорбное выражение на его лице. – Недаром же от него смердит серой! Я подгрёб на своём баркасе одним из первых, и пускай меня схарчит горлодёрка, если возле обломков корабля не воняло серой, как в аду!

Сразу же, как только столб дыма поднялся над морем,

местные рыбаки бросились к лодкам, чтобы попытаться спасти тонущих. Синьор Алонзо со своими людьми тоже участвовал в этом и довольно быстро заслужил всеобщее уважение. Несмотря на свою неприязнь, я должна была признать, что без его вмешательства жертв могло быть гораздо больше. Когда случается что-то настолько ужасное, многие люди просто теряются, и от растерянности попусту тратят драгоценное время.

Теперь рыбаки с особым вниманием прислушивались к его словам:

– Не так-то легко перевозить порох на судне, сделанном из просмолённого дерева и холста!

– Я и говорю, дьявольское это зелье! – ворчал рыбак. – Лучше бы вообще зарыть его и забыть, где лежит! Добра от него не жди!

– Э, не скажи, – оживился Алонзо, будто рыбак затронул какую-то струнку в его душе. – Как же без пороха? Благополучие всех городов, какой ни возьми, – Фиески, Венеция, Медиолана – держится на торговле с далекими землями. С Каликутом, Мадагхой... А без пороха там нечего делать. Поди, синьор Васка никогда не сумел бы открыть фактории в Каликуте, если бы не поговорил с их князьками на языке пушек!

Я подумала, что это был не разговор, а, скорее, монолог. Мнения туземцев никто не спрашивал. Просто вдруг явился человек из-за моря на высоком, как башня, корабле, и устро-

ил им огненный ад. Меня замутило, когда я вспомнила, в каком состоянии утром привозили раненых с каракки. Порох оставлял ужасные ожоги. Все хозяйки в Пицене спозаранку бросились растапливать плиты и греть воду: вдруг кого-то из несчастных привезут именно в их дом. В нашей с Манриоло комнате, где он так и не успел отоспаться, теперь разместились трое. Капитана венеццианцев, того строгого пожилого синьора, так и не нашли. Кроме него, море забрало в свои глубины ещё шестерых человек...

– ...Люди годами бьются над тем, чтобы сделать порох более безопасным, – продолжал разглагольствовать синьор Алонзо. – Я читал трактат *La pirotechnica* молодого Бирингуччо и другие его работы. Говорят, что фирензийцы научились делать зернёный порох. Он не так опасен при перевозке и более удобен для пушкарей.

– Ну, от этих «поедателей фасоли» можно ожидать чего угодно! – фыркнул рыбак. – Фирензийцы – те ещё хитрецы!

Разговор об утренней катастрофе плавно перетёк в уютное злословие: хотя большинство рыбаков за всю жизнь ни разу носу не казали из родной деревни, зато каждому было что рассказать о чудачествах фирензийцев, медиоланцев или эттурян. Все сходились во мнении, что на чужбине, конечно, можно встретить иногда приличного человека, но лучшие люди, истинная соль земли, живут только здесь, в Пицене. Посетители оживились. Недавняя трагедия потрясла всех, но они понимали, что нельзя горевать вечно. Плавание

в морях всегда считалось опасным делом. Сегодня смерть прошла совсем рядом с Пицене, но не задела никого из своих – и они были благодарны судьбе хотя бы за это.

Когда синьор Алонзо шумно заспорил с кем-то о преимуществах литых пушечных ядер перед каменными, я незаметно поднялась, посмотрела на спящего Манриоло и вышла наружу. Манриоло с утра страдал от невыносимой головной боли. Это всё из-за валлуко. Напуганный взрывом, Гриджо так всполошился, что даже меня разбудил. А у Манриоло, по его собственным словам, «чуть мозги из ушей не вылетели». Я напоила его отваром и дала холодное мокрое полотенце на голову, с трудом удержавшись от замечания: «Я же тебе говорила!» Если бы он не связывался с валлуко так часто, не пришлось бы теперь страдать!

Под рыжеватым закатным небом мягко переливались тёмно-свинцовые волны. Кое-где в них вспыхивали золотые отблески. На гладком песчаном берегу уже не осталось ни следа катастрофы. Всё, что море выплюнуло вечерним приливом – куски деревянной обшивки, такелажа, обрывки канатов – было деловито растащено по домам. В хозяйстве-то всё пригодится. А на местном кладбище появились две новые могилы...

Вдруг откуда-то возник Пульчино и, мягко захлопав крыльями, опустился рядом со мной на песок. Его присутствие действовало утешающе.

«Что там наш капитан, опять ораторствует перед публи-

кой?» – спросил он с иронией.

«Может, я зря его подозревала. Сегодня он помог спасти жизнь многим матросам... и к тому же, он неплохо разбирается в пушках».

«Ну, ещё бы! – фыркнул Пульчино. – На его фелуке припрятано целых шесть бочек пороха!»

«Что? Но зачем?»

Я удивилась. Шесть бочек?! Но фелука даже не была военным судном! На ней не было ни одного, самого завалящего фальконета!

«А ты-то откуда знаешь?» – с подозрением спросила я у Пульчино.

«Да уж знаю».

Просто невероятно, как чайка, действуя исподтишка и ухитрившись ни разу не попасться матросам, сумел обследовать всю фелуку от трюма до кончиков мачт. Видимо, наши прошлые приключения научили его осторожности.

«Может, Алонзо надеется продать порох в Венетте?» – предположил Пульчино, показав вопиющую некомпетентность в торговле.

Я усмехнулась:

«Ага, вези финики в Аравию! У нас пороха и так навалом – целый склад в Арсенале. Вряд ли за него можно выручить хорошие деньги... Вот где-нибудь на островах, на Керкире или Канди – другое дело!»

Я подумала, что комендант какой-нибудь дальней крепо-

сти заплатил бы за эти бочонки чистым золотом, так как пушки и крепостные стены были единственной защитой колонистов от тарчийского плена. Наш синьор Алонзо как-то очень нерасчётливо вёл дела...

«А ты спроси у него», – съехидничал Пульчино.

«Ну, уж нет!» Трудно даже представить себе подобный разговор! Да и какое у меня право его допрашивать? Но теперь я решила ещё внимательнее следить за нашим капиталом.

* * *

На другой день мы покинули гостеприимный Пицене и отправились дальше на север, в Венетту. Вскоре море вокруг изменилось: вместо тёмной синевы на многие лиги протянулись мутно-зелёные воды лагуны. В воздухе висела прозрачная дымка, солнечный свет мягко обрисовывал знакомые очертания куполов и крыш. Золотая Венетта, вся в роскошном блеске летнего утра, постепенно выростала из моря. Я узнала огромный купол Собора, похожий на перевернутую чашу, высоко вонзавшуюся в небо макушку Кампанилы, на которой уже можно было различить крошечную фигурку грифона. Вдруг показалось, что грифон шевельнулся, взмахнув крылом. От удивления я моргнула, стерев набежавшие слёзы. Нет, это просто облако... наверное. Просто воздух дрожал над водой.

Кроме меня, все были заняты делом. Двое матросов опускали лот, постоянно меряя глубину. Манриоло стоял на корме рядом с рулевым, взяв на себя обязанности лоцмана. Летом лагуна часто мелела, и её илистые отмели представляли собой опасную ловушку для кораблей. Чужой моряк, не знакомый с фарватером, ни за что не сумел бы провести фелуку к причалу!

У меня из головы не выходили слова Пульчино насчёт бочек пороха в трюме. Так и подмывало сходить посмотреть. Кто мне сейчас помешает? Все матросы заняты на палубе, капитан только что спустился в каюту... Пробираясь бочком, словно краб, я оказалась возле тёмной и узкой лесенки, ведущей в чрево фелуки. В этот момент дверь капитанской каюты вдруг распахнулась, и мне навстречу выплыла зубастая улыбка синьора Алонзо:

– А, синьорита Франческа! Вы-то мне и нужны. Прошу вас, уделите мне немного времени.

Он посторонился, пропуская меня в каюту. Дверь за нами мягко закрылась. Отчего-то я занервничала, как мышь в мышеловке, хотя внутри не было ровным счётом ничего пугающего. Капитанская каюта была чуть светлее и просторнее, чем у нас с Манриоло. Кроме лежанки, в ней помещался маленький стол, на котором сейчас красовались два блюда под блестящими крышками.

– Хотите? – спросил синьор Алонзо, сделав приглашающий жест рукой.

Он достал бутылку и по-хозяйски разлил вино в два тонкостенных бокала.

– За благополучное окончание нашего путешествия!

– Я предпочла бы отпраздновать это на берегу, – извинилась я, не желая показаться невежливой.

«И не наедине», – хотелось добавить.

Не слушая возражений, капитан выдвинул для меня табурет и вложил в руку бокал:

– Очень удачно, что я вас встретил.

На моей тарелке лежал крупный красный омар, сваренный прямо в панцире. Я мысленно содрогнулась. Никогда не умела изящно справляться с такими блюдами. Если капитану хотелось потом отчищать этого омара со стен своей уютной каюты – ну, тогда он не зря меня пригласил.

– Дело в том, что в Венеции меня ждет... одно деликатное дело.

Маленьким ножом синьор Алонзо ловко отсек одну из клешней и вскрыл её, извлекая нежное белое мясо. Он проделал это так хищно, что мне стало не по себе.

– Вы уехали довольно давно и, вероятно, не знаете свежих новостей. Кажется, ваш новый дож проявил удивительную недалёковидность, позволив себе заключить секретный союз с тарчийским султаном.

– Что?

Меньше всего я ожидала, что понадобится синьору Алонзо для бесед о политике, в которой я разбиралась, как сви-

нья в апельсинах. Капитан предупредительно вскинул ладонь, призывая меня к молчанию. Омар на его тарелке лишился уже обеих клешней. Выглядело это ужасно.

– Встреча с синьором Терещи, капитаном несчастного «Доменико», подтвердила мои подозрения. Уже не в первый раз от Дито отчаливают корабли, нагруженные порохом, деревом, сталью и заготовками для клинков. Этот груз предназначенся якобы для колоний, а на самом деле идёт прямо в Ракоди, в руки к тарчам и джазирским наёмникам! У дона Сакетти в кабинете, в потайном отделении шкафа должен храниться коносамент на этот груз.

– Но... при чём тут я?

Алонзо посмотрел на меня, будто оценивая:

– Видите ли, я немного осведомлён о ваших... подвигах. Думаю, что девушке, сумевшей незаметно проникнуть в крипту графского дома, не составит труда пробраться во Дворец дожей и изъять документы.

«Надо было всё-таки прищемить Манриоло его длинный язык!» – подумала я с бессильной злостью. Но сдаваться не собиралась:

– Я понятия не имею, о чём вы говорите.

Взгляд синьора Алонзо стал более жёстким:

– Я говорю о гибели дона Арсаго прошлой весной, произошедшей при весьма необычных обстоятельствах. Это дело по некоторым причинам возбудило моё любопытство. В крипте, где погиб дон Арсаго, нашли нечто странное. Сло-

манную птичью клетку, например. А ещё – вот это.

Он достал маленький бархатный мешочек и демонстративно вытряхнул на стол его содержимое. На скатерть упала изящная золотая заколка в форме стрекозы, с рубинами вместо глаз, и кусочек богатого кружева. Именно таким кружевом были отделаны пышные манжеты моей шёлковой рубашки в тот день, когда мне пришлось спуститься в крипту. После бегства из Венетты я изменила привычки и теперь одевалась гораздо скромнее.

– Это кружево нашли зацепившимся за дверцу клетки, – будто издали донёсся голос Алонзо.

«Наверное, я порвала рубашку, когда пыталась сбить замок. А заколка могла выпасть, когда граф Арсаго вцепился мне в волосы».

Меня будто снова затянуло в скользкую темноту подземелья, из которого мы с Пульчино выбрались только чудом. Стоило большого труда прогнать это воспоминание. Пожав плечами, я нахально посмотрела в лицо синьору Алонзо:

– Понятия не имею, чьи это вещи.

Мой ответ несколько его не обескуражил. Он усмехнулся, так что от глаз разбежались лукавые морщинки:

– Да бросьте, Франческа! Мы же так хорошо поладили.

– И поэтому вы решили скрепить дружбу лёгким шантажом?

Он небрежно поддел пальцем заколку. Рубины на белой скатерти казались каплями свежей крови.

– Я забрал эти вещицы, так как дело показалось мне слишком деликатным, чтобы доверить его судейским. Очевидно, что в крипте вместе с графом была женщина. В тот день в доме Арсаго гостили трое: Джулия Граначчи, невеста юного Энрике, Бьянка Санудо, дочь управляющего имением, и Инес Сакетти, их близкая подруга. Значит ли это, что в крипте была одна из них? Почему она умолчала о случившемся? Почему её не видел начальник стражи, примчавшийся на выручку графу? Как его там звали – Алессандро ди Горо?

Слышать имя Алессандро от этого мерзкого человека было невыносимо.

– Мало ли кто мог обронить заколку и порвать себе платье! Дон Арсаго умер от руки... вернее, от шупалец чудовища, которое сам же вызвал. Вряд ли кому-то будет интересно заново ворошить это дело спустя год!

– О, вот тут вы ошибаетесь! – протянул капитан. – Многим, многим будет интересно! Если бы дон Арсаго не умер, его почти наверняка избрали бы дожем после смерти Соранцо. Получается, его смерть была выгодна дону Сакетти. Может, синьорита Инес помогла своему отцу избавиться от соперника, кто знает? Или её близкая подруга? Поверьте, в Венеции всегда найдутся люди, недовольные новым дожем и его политикой! Если я добуду другие компрометирующие документы, то, возможно, сумею подстегнуть процесс против него с помощью этих улик!

Я лихорадочно соображала: «Всё это чушь! Спустя столь-

ко времени никто и не вспомнит, во что мы были одеты! Дон Алонзо просто хочет меня запугать!»

И всё же мне стало нехорошо от мысли, что Инес и Джулию потащат в суд для допроса... или будут допрашивать Алессандро... или, что ещё хуже, Бьянку! О, Мадонна! Бьянка, с её острым умом, которая видела всех нас насквозь! Кто знает, что она наговорит на допросах!

– У меня всё равно ничего не получится! – чуть не плача, сказала я. – Проникнуть в Золотой дворец не так просто. А открыть потайной шкаф вообще невозможно! – (Это правда: вся Венетта знала краснодеревщика, который делал шкафы с тайниками для знатных господ. Замки он делал на совесть). – Если у вас нет ключа, единственное, что можно сделать – похитить сам шкаф и сбросить его с обрыва!

– Кто сказал, что у меня нет ключа? – бархатным голосом промурчал дон Алонзо. – К счастью, я сумел раздобыть дубликат.

Разинув рот, я бессмысленно смотрела, как на скатерть рядом с заколкой лёг маленький бронзовый ключик. Меня сковало оцепенение. Дьявол его побери, да кто он такой, этот синьор Алонзо?! Скромный капитан, курсирующий вдоль побережья в надежде на небогатую выручку – ха, как бы не так! Тайный порученец Лиги? Или шпион? Как он сумел добыть ключ от тайника в самом страшном кабинете в Венетте, о котором даже патриции осмеливались говорить только шёпотом? Ибо Совет Десяти имел в городе десятки ушей и

сотни пальцев, всегда готовых настроичить донос.

Вдоволь насладившись моим испугом, синьор Алонзо решил сменить кнут на пряник:

– Дорогое дитя, ты выглядишь такой подавленной, будто я вынуждаю тебя пойти против всей Венетты! Дон Сакетти – это ещё не Республика. Он впал в пагубное заблуждение, но мы можем исправить его ошибку. Поверь мне, всем будет лучше, если этот документ окажется у меня! Многие старые семьи в Венетте скажут тебе спасибо!

«Ох, сомневаюсь».

– И если тебе будет легче, то наш друг Манриоло тоже согласился помочь в этом маленьком предприятии.

Я молча подняла взгляд, не в силах сказать ни слова. Что ж, у Манриоло были свои секреты. Кто знает, какой из них наш капитан счёл для себя полезным.

Отложив вилку с ножом, синьор Алонзо аккуратно промокнул губы салфеткой. Обед был окончен. Я залпом выпила вино из бокала, чтобы прогнать предательскую слабость в ногах. Варёный омар с тарелки укоризненно смотрел на меня мученическим взглядом. Я к нему даже не прикоснулась.

Зато на тарелке капитана остались лишь жалкие ошмётки панциря.

Глава 6

Мы причалили в устье Большого канала, где обычно швартовалось столько судов, что их стройные мачты были похожи на молодую поросль в лесу. Быстрый говор венеетцев звучал вперемешку с репликами на чужом языке, вокруг хлопала белые полотнища убираемых парусов. Наши матросы с жадностью поглядывали на берег. Всем не терпелось ощутить под ногами твёрдую почву – ну, условно твёрдую, раз уж речь идёт о Венеции. Некоторые вообще впервые видели этот город, вокруг которого ходило так много слухов. В их фантазиях он представлял таинственным лабиринтом, соблазнительным и опасным одновременно. Бариль только что узнал, что недалеко от Арженто есть квартал, где куртизанки демонстрируют в раскрытых окнах свои прелести, и эта картина полностью захватила его воображение. Они чуть не заспорили, кому первым сходить на берег, но синьор Алонзо грозным окриком прекратил перепалку. У себя на судне он распоряжался, как кондотьер. Ему предстояла встреча с каким-то купцом в Арсенале, и он хотел взять с собой Манриоло, так как тот раньше работал на верфях и прекрасно ориентировался в доках.

– Тебе будет удобнее подождать нас на судне, – отрывисто произнёс синьор Алонзо, обращаясь ко мне. Отпускать меня на берег он явно не собирался.

– Если вы хотите, чтобы наше ночное предприятие прошло успешно, – сказала я вполголоса, – тогда мне тоже нужно встретиться кое с кем в лагуна.

Капитан долго смотрел мне в лицо своими прищуренными глазами, меняющими цвет, как морская вода.

– Хорошо, – ответил он, наконец. – Но помни, что я говорил.

Я молча кивнула. Улики, грозящие мне и Джулии судебным процессом, привязывали меня к фелуке крепче, чем любые замки и оковы. Я и не собиралась сбежать.

Я рассчитывала найти Кариту.

* * *

Яркое летнее солнце подсвечивало сияющий фасад Дворца дождей с длинным рядом арок на первом этаже, резче оттеняло барельефы и лепнину на стенах зданий, подчеркивая их красоту. Я шла по широкой Набережной от Пьяцетты и вспоминала.

Когда мы с Манриоло ночью бежали из Венеции, на этой маленькой площади творился ад, а лагуна превратилась в кипящий котёл из-за нашествия живущих-под-волнами. Сейчас вода гладко блестела, словно зеркальное стекло, и по ней скользили десятки лодок с высоко загнутыми носами. Развороченные плиты на площади уже восстановили. Снова, как ни в чем не бывало, Венеция встречала новоприбывших

знакомыми песнями: перекличкой гондольеров, выкриками торговцев, весёлыми голосами праздных гуляк, глазеющих на пристань.

Я купила у одного рыбака корзину со свежим уловом и одолжила до вечера его лодку. Мне предстояло обогнуть Спиналонгу, чтобы навестить один глухой уголок лагуны, наиболее удалённый от Дито. Насколько помню, там было несколько многообещающих, заброшенных островов. Разумеется, нежилых.

Когда яркая, праздничная панорама Набережной осталась далеко позади, я оглянулась и невольно вздохнула. Было огромным искушением хоть одним глазком взглянуть на дом Граначчи, разузнать об Алессандро... но я не решилась. Мне казалось, что ядовитые угрозы синьора Алонзо тянулись за мной, как скользкий улиточный след. Пусть сначала этот шантажист уберётся к дьяволу вместе с его «коносаментом», и тогда я с радостью обниму своих друзей!

Пульчино я оставила в Венетте. Он горел желанием отправиться со мной, так как дикие острова, поросшие камышом, привлекали его гораздо больше, чем городская толчея. Однако кто-то должен был проследить за Алонзо и Манриоло. Вряд ли синьор Алонзо сможет ещё больше осложнить нам жизнь – он и так порядочно постарался, – но, тем не менее, мне не хотелось оставлять его без присмотра.

«Ладно, – проворчал Пульчино, – пусть будет по-твоему. Только не забывай оглядываться по сторонам, чтобы не уго-

дить на зуб к пескаторо!»

Действительно, мне не следовало забывать о Скарпе. Бывший шут дона Арсаго, которому я помогла вернуть его истинный «рыбий» облик, преисполнился такой благодарности, что в нашу последнюю встречу едва не откусил мне ногу.

«Пусть только сунется, башмак плавучий», – угрожающе сказала я.

Пока что всё было тихо. Когда лодка ткнулась носом в топкий илистый берег, я вылезла, оттащила её подальше от воды, выложила рыбу из мешка и уселась поодаль на отполированный волнами камень. Ждать пришлось долго. Солнце успело совершить длинный путь по выцветшему летнему небу. Я измаялась, сгрызла яблоко, прихваченное на рынке, и вдоволь насладились тишиной.

Когда я в сотый раз бросила взгляд на рыбу, уже утратившую свежий блеск, то заметила, что кучка явно уменьшилась. Краешком сознания можно было ощутить еле заметное чужое присутствие.

– Карита, – осторожно позвала я. И не сдержала улыбку, когда из-за груды камней осторожно показалась гладкая голова с остреньким подбородком и мерцающими золотыми глазами.

Её серо-бурая шкура почти сливалась с каменной грядой, так что в двух шагах пройдёшь – не заметишь, особенно в сумерках. Огромные глаза при виде меня тепло засияли, как две свечи. Её радость ощущалась, словно прикосновение.

– Я тоже счастлива тебя видеть, – прошептала я, расчувствовавшись чуть не до слёз.

Если бы не Карита, не сидеть бы мне здесь сейчас. Когда она снова потянулась к рыбе, я заметила криво сросшийся, бугристый шрам на её плече. Во мне всколыхнулась жалость пополам с благодарностью. Прошлой весной политические противники дона Арсаго наняли убийц, чтобы избавиться от меня, опасаясь, что союз с *кьямати* сделает его слишком сильным. Карита меня спасла.

«Тебя долго не было», – сказала она без слов.

«Я была далеко, прости».

Прикрыв глаза, я принялась рассказывать о чужих краях, лежащих далеко на юге, где море густо-синее и теплее, чем здесь, а беспечные кефали косяками идут прямо в сети рыбаков. Я рассказывала о тёплых зимах, чужих ветрах, об особенностях приливов и течений. Паурозо слушала очень внимательно, в то же время уделяя внимание рыбе. Мне хотелось подарить ей эти новые впечатления, разделить с ней последний год моей жизни, так как без Кариты я не увидела бы ни Занклы, ни Перны, ни Пицене... Если бы не она, убийца прикончил бы меня на пристани дома Граначчи вместе с донной Ассунтой, и это моё, а не его тело потом вылавливали бы из канала.

А ещё я не знала, как сказать, что мне опять нужна её помощь.

Глубокой ночью, осторожно лавируя между зданиями, укутанными темнотой, мы, словно воры, пробирались к рию делла Палья – узкой водяной щели, тянувшейся вдоль заднего фасада Дворца дождей.

Манриоло, переодетый гондольером, вяло загребал веслом и не мог сдерживать беспокойства:

– Только дон Алонзо мог придумать такое! Шутка ли? Пробраться в резиденцию дожа! Там охраны – как зёрен в кукурузном початке! Эта верёвка, которую ты приготовила, как раз пригодится стражникам, чтобы затянуть ее у нас на шее! И когда нас подвешат между колоннами на Пьяцетте, я умру от стыда!

– Т-с-с! Тихо.

Наша лодка беззвучно скользила по глянцево-чёрной воде канала. Впереди показалась тёмная глыба Дворца, кое-где размеченная яркими точками факелов. Я поглубже надвинула капюшон на глаза. Рядом со мной, скорчившись, как куль, на дне лодки, сидела Карита.

Точным движением весла Манриоло вывел лодку прямо к причалу. Получилось удачно: ни шума, ни всплеска. Первой на берег выбралась Карита, я – следом за ней. Напоследок я послала Манриоло ободряющую улыбку, хотя вряд ли он мог разглядеть ее в темноте. Ариминец в ответ показал нам,

чтобы мы постарались не шуметь.

– Не волнуйся, мы будем паиньками, – беззвучно шепнула я и строго посмотрела на Кариту.

Кислый лунный свет выхватил из темноты скошенный подбородок, пятнистые сероватые щеки и влажно блеснувшие клыки. Паурозо с наслаждением втянула ночной воздух, медленно провела языком по губам. У меня вырвался вздох:

– ...Но если услышишь крики, значит, у нас не получилось.

Мы шли медленно, так как по земле Карита передвигалась довольно неуклюже. Зато она великолепно лазала по стенам. Крадучись, мы пробирались вдоль здания, стараясь держаться подальше от галереи с балконами, по которой прохаживался часовой. Ещё двое охранников дежурили возле Порта делла Карта – церемониального входа в здание. Мы искали окно на северной стороне. Узкое окно, ведущее в маленькую тесную комнатку, где обычно работал дож. По нашему плану, Карита должна была взобраться первой, а затем спустить мне веревку.

Всё шло хорошо, пока нас не подвела старая кладка. Несколько камешков осыпались со стены, и их стук грохотом отозвался у меня в ушах. В ночной тишине он прозвучал как гром среди ясного неба.

– Кто здесь? – послышался крик часового. Вслед за ним раздались торопливые скрипучие шаги. По дорожным плитам заметались тени от приближающегося факела. Дёрнув за

веревку, я вжалась в стену. Спустя мгновение рядом со мной приземлилась спустившаяся Карита. Мы обе замерли, не дыша. Неужели нас обнаружат?

К недовольному бормотанию стражника в темноте вдруг добавился другой голос, сильный и чистый.

– Что случилось? – спросил он.

Всего два слова – но от них моё сердце подскочило к самому горлу. Это был Алессандро.

– Там кто-то есть, синьор! – воскликнул стражник, обрадованный, что у него в ночи нашёлся союзник.

– Ты уверен?

Я зажмурилась, пытаюсь справиться с нахлынувшими чувствами. Манриоло с утра успел разузнать кое-что. Говорили, что здоровье синьора ди Горо серьёзно пошатнулось от яда Глубинного после схватки с этим чудовищем. Он со стражником стоял за углом – так близко от нас, что мне казалось: я слышу его дыхание, затруднённое, как у долго бежавшего человека. Но его голос остался прежним.

– Ступайте, предупредите охрану у главного входа. Здесь я сам всё проверю.

Скрипучие шаги стражника послушно затихли вдали. Алессандро медленно двинулся к нам. Я видела, как постепенно разгорается свет от его факела. Мы с Каритой отползли подальше, но с другого конца здания тоже слышались голоса. Проклятый стражник всех разбудил! Сейчас Алессандро завернёт за угол и неминуемо нас обнаружит! Паурозо,

прижавшись к моей ноге, напряглась, как тугая смертоносная пружина. Один прыжок – и...

«Нет! – мысленно вскрикнула я. – Не смей!»

Мысли метались. Что делать? Бежать было некуда. Взмолиться о помощи? Положиться на его милосердие? Даже если он простил мне прошлые грехи, с тех пор я успела совершить несколько новых. Алессандро служит дону Сакетти, а я... О, Мадонна, за что же нам так не везёт-то!

Ему оставался до нас всего шаг, но почему-то он не спешил. Издали снова послышался быстрый топот:

– Синьор! Синьор!

– Всё в порядке. Здесь никого нет! – крикнул в ответ Алессандро. Я не поверила своим ушам.

– Сейчас из казарм подойдет отряд! – выпалил стражник, задыхаясь от служебного рвения. – Мы оцепим все здание!

– В этом нет необходимости. Ложная тревога, – в голосе Алессандро зазвучали металлические нотки.

– Думаете, они пробрались внутрь? Мы возьмем факелы и проверим каждую подворотню!

– Во дворце и так полно охраны. Слушайте, неужели вы думаете, что злоумышленники явились ночью в Венецию лишь для того, чтобы нанести светский визит дону Сакетти? Лучше направьте людей в порт и к Арсеналу!

– Да, синьор!

– Пойдёмте со мной. Я сам распоряжусь.

Когда их шаги и бряцанье оружия стихли вдали, я не смог-

ла отлепиться от стены, а просто сползла по ней вниз, усевшись прямо на землю.

«Спасибо, что не убила его, – беззвучно сказала я Карите. – Этого я не смогла бы тебе простить».

Выглянувшая луна облила нас голубым светом. На меня уставились большие влажные глаза с горящими жёлтыми точками в каждом из них. Длинный рот искривился в усмешке. Я невольно улыбнулась в ответ. Мне показалось, что в гримасе паурузо сквозила настоящая человеческая ирония.

* * *

Спустя некоторое время я, крадучись, пробиралась по каналу на лодке, которую без раздумий стащила возле ближайшего моста. Взмокнув от напряжения, я старалась погружать весло в воду абсолютно бесшумно. Каждая тень на берегу таила угрозу. Я надеялась обогнуть опасный район, по которому, как разбуженные шершни, сновали стражники, а затем добраться до фелуки. Паурузо скрылась под водой, бросив свёрнутый плащ на носу лодки. В отличие от меня, она могла не бояться моррен. Когда узкая полоса воды расширилась, сливаясь с другим каналом, я немного придержала лодку. Здесь придётся быть особенно осторожной. Знатные венетийцы любили устраивать поздние вечеринки, и мне вовсе не хотелось оказаться нежданной гостьей на одной из них. Но всё было тихо. Темным зеркалом мерцала вода, мимо про-

плывали спящие дома, казавшиеся в темноте одинаково серыми. Я засмотрелась на один из особняков, показавшийся мне смутно знакомым. В мозгу вспыхнула догадка: это же палаццо Граначчи! Дом, где в прошлый раз мне пришлось разыграть целое представление. Весло будто отяжелело, и я подумала, что каналы Венетты сыграли со мной злую шутку, приведя меня сюда!

Кроме факела, горящего на причале, в доме не было ни единой искорки света. Стиснув зубы, я двинулась дальше. Если Джулия сейчас там, она могла бы помочь, но было невысказано вваливаться к ней вот так, среди ночи, приведя на хвосте отряд стражников! За такое дон Рикардо точно утопил бы меня в канале!

Вдруг неподалёку послышался всплеск и приглушенный смех. Торопливо загребая веслом, я прижала лодку к берегу, где лежала самая густая тень, и затаилась. Судя по звукам, где-то рядом причаливала гондола. Может, кто-то возвращался с ночной прогулки или после встречи с дамой. Вспомнилось, как Рикардо каждую ночь бегал на свидания с Бьянкой, а я по глупости его ревновала. В то время я почти не знала Алессандро...

Вдруг оранжевая вспышка озарила небо, словно в Ночь Всех Огней, и ударил грохот. С перепугу я едва не свалилась в канал. Даже дух захватило, как бывает, когда с разбегу ныряешь в холодную воду! Когда явь понемногу обрела очертания, тишину вокруг прорезали панические крики. В окнах

замелькал свет, на причалах одна за другой загорались звёздочки факелов. Я бессмысленно смотрела, как над островом Оливоло на востоке занимается рыжеватое зарево. Что случилось? Неужели пожар?! Как бы там ни было, мне нужно спрятаться. Сейчас на улицы выплеснется весь город! Эту лодку, в которой я притаилась, возможно, кто-то уже искал.

– Фабрицио! Фабрицио! – вдруг послышался тихий испуганный голос. Очень знакомый.

Осторожно подавшись вперёд, я увидела на причале дома Граначчи невысокую фигурку, с головы до пят закутанную в плащ. Быть не может, чтобы мне привалила такая удача! Неужели Мадонна и морские боги всё же сжалились надо мной?

– Джулия! – позвала я шёпотом.

Она замерла, потом медленно подошла к воде. Свет от факела, горящего на причале, превратил её лицо в золотую маску.

– Не может быть! – изумлённо сказала она, словно эхо моих мыслей. – Франческа!

– Тише!

Кое-как Джулия помогла мне подтянуть лодку к сваям и выбраться на твёрдую землю. Ей немного мешал живот. Плащ скрывал её всю целиком, но теперь я заметила, что Джулии скоро предстояло стать матерью. И я ничего не знала! Сколько же мы не виделись?

Схватив меня за локти, она подтащила меня ближе к фа-

келу и всмотрелась в моё лицо:

– Это и правда ты! Но как... Каким образом?

У неё приоткрылся рот, когда она разглядела, что я вся трясусь, а моё платье вымазано грязью и тиной.

– Всё потом, – еле выговорила я. – Главное – никто не должен знать, что я здесь!

Может, у Джулии и гулял ветер в голове, но в критической ситуации на неё всегда можно было положиться. Молча кивнув, она решительно потянула меня в дом. Только в холле она выпустила мою руку, приложив палец к губам:

– Тише! Бьянка дрыхнет чутко, как кошка! Странно, что она ещё не вскочила от шума!

В тот же миг из внутреннего дворика донеслось:

– Джулия! Ты здесь? Это ты?

Вихрем взлетев по лестнице, мы с Джулией столкнулись плечами в дверях её комнаты, которая была мне знакома не хуже, чем ей самой.

– Сиди здесь! – запыхавшись, сказала подруга. – Сюда она не войдёт!

– Джулия? – снова послышалось внизу. Я приникла ухом к запертой двери, но никак не могла расслышать, о чём они говорят.

– Я здесь! Что случилось? Пожар?

– А ты не видишь? Что-то горит в Оливоло. Фабрицио только что пошёл узнать, что там. Где Лючия? Куда она запропастилась? Клянусь всеми святыми, эта пустоголовая

девчонка сведёт меня с ума!

Я сидела тихо, как мышь, пока Бьянка, новая жена Рикардо, продолжала ворчать. М-да, похоже, слугам здесь живётся несладко! Я не решалась ходить даже на цыпочках, чтобы меня не выдал скрип половиц, и боялась выглянуть наружу, чтобы меня не увидел кто-нибудь из соседей. Время тянулось томительно, как зубная боль. За окном неохотно забрезжил водянистый рассвет, посветлело. Я опять возблагодарила Мадонну, что так вовремя встретила Джулию! Интересно, что произошло в Оливоло? Надеюсь, Манриоло удалось скрыться! Угораздило же нас наведаться в Золотой дворец именно в эту ночь!

Как только внизу послышались тяжёлые шаги и басок Фабрицио, я снова приникла к двери. На этот раз можно было не липнуть ухом к замочной скважине, так как возбуждённый голос гондольера эхом разносился по всему дому:

– Там пожар в Арсенале, синьора! Говорят, взорвался пороховой склад. Да, почти потушили, но столько домов разрушено! Нет, до верфи я не дошел, стражники не пустили. Разбирают завалы. Больше всех пострадали дома рядом с церковью Сан-Джованни. Хорошо ещё, что ночью на верфях не было никого из арсеналотти! Говорят, это люди герцога Роверджио подожгли склад, чтоб ему самому сгореть в аду!

Фабрицио продолжал что-то говорить, отвечая на взволнованные расспросы Бьянки, но мой слух от таких ужасных вестей временно отключился. Пороховой склад? Я вспомни-

ла случай в Пицене и содрогнулась. А потом вся заледенела, когда в памяти всплыли последние слова Алессандро. Сердце забилося, как пойманное. Арсенал! Он же собирался пойти туда!

Глава 7

Эта ночь казалась бесконечной. Она длилась и длилась, даже когда серое, тусклое солнце взошло над лагуной, осветив почерневшие развалины, в которые превратился Оливо-ло. Алессандро вместе со стражниками тушил огонь, пока не прибыла пожарная команда, потом разбирал завалы. Здание Арсенала, с его обширными пакгаузами и кирпично-красными башнями у ворот, сейчас походило на руины захваченной крепости. К счастью, его люди знали, что делать, а вскоре к ним присоединились нобили и жители соседних домов. Одежда Алессандро пропиталась потом и копотью, на зубах хрустела пыль, руки слегка дрожали от таскания камней и брёвен, но он не мог уйти, так как поток дел всё не уменьшался.

Отправив троих солдат осмотреть очередной дом, слепо глядевший в пустоту выбитыми окнами, он позволил себе небольшую передышку. Под ногами хрустели обломки черепицы. Деревянные балки на крыше расшвыряло ударной волной, и они угрожающе накренились, словно старое воронье гнездо. Мимо пронесли носилки. Какая-то женщина сидела, раскачиваясь, прямо в пыли, прижимая к груди ребёнка, и горестно выла на одной ноте. От этого тоскливого, безнадежного воя его пробрал озноб. К женщине подбежала другая, обняла её и бережно увела в церковь, уцелевшую не

иначе как чудом. Туда относили всех раненых.

«Здесь нужны ещё медики. И куда, к дьяволу, провалился Маттео?» – в сотый раз спросил себя Алессандро. Он отправил своего помощника привести кого-нибудь из аптекарей. Год назад они с Маттео вместе служили в доме Арсаго. Молодой стражник мог сделать приличную карьеру, оставшись при молодом графе Энрике, но вместо этого предпочел отправиться в море вместе с Алессандро.

«Ему бы смекалки побольше, и тогда, глядишь, из него выйдет толк. Станет комитом или даже капитаном!»

– Дон Алессандро! Дон Алессандро! – послышалось изда- лека. Наконец-то! Лёгко на помине!

Запыхавшись, Маттео подбежал к нему. Алессандро критически оглядел своего подручного: взмокшие чёрные кудри прилипли ко лбу, лицо аж светится от усердия. Он хотел сделать выговор, но все упрёки растаяли у него на языке, когда Маттео протянул ему запотевший кувшин с водой. Благодарю Бог этого парня! Он отхлебнул глоток ледяной воды, от которой заломило зубы, потом с облегчением вытер мокрой ладонью лицо, размазав копоть и грязь. Жить сразу стало гораздо легче.

– Отнесёшь в церковь, – сказал Алессандро, возвращая кувшин.

– Я нашёл мэтра Фалетруса, как вы просили.

Долговязая фигура доктора маячила неподалёку. Мэтр Фалетрус кивнул, будто не решаясь подойти ближе. После

тех событий, что потрясли Венетту прошлой весной, он старался как можно реже попадаться на глаза Алессандро. Его можно было понять. Никто, кроме синьора ди Горо, больше не знал о попытке Фалетруса отравить дону Арсаго. Алессандро не стал доносить судьям. Не только из благодарности к доктору, который буквально собрал его по кусочкам после ранения в крипте... Просто это никому уже не могло помочь, зато на свет всплыли бы неприглядные тайны двух семейств, Арсаго и Граначчи.

«Кстати, надо будет заглянуть к донне Бьянке», – напомнил он себе. Три дня назад Рикардо уехал в Медиолан, и Алессандро обещал другу, что в его отсутствие позаботится о Джулии и его жене. Только сначала нужно привести себя в порядок, иначе он своим видом ещё больше напугает двух одиноких синьор.

– Это ужасно, – вздохнул Фалетрус, решившись, наконец, подойти. – Как такое могло случиться?

– Есть некоторые предположения, – туманно ответил Алессандро.

Ночью они не успели добежать до ворот Арсенала, как внезапно их ослепило вспышкой и швырнуло на камни. Поднялся переполох. Однако среди стражников были люди опытные, обстрелянные в боях. Быстро придя в себя, они оцепили верфи. Им удалось выследить троих людей, пробиравшихся в порт. Двоим удалось ускользнуть.

Ближе к рассвету порядком уставшего Алессандро разыс-

кал Гвидо Малипьеро, капитан венеццианской стражи.

– Мы его допросили. Это был человек Антонио Маньяско, – заявил он без обиняков.

– Был? – невольно вырвалось у Алессандро.

Он знал, что служба в страже включает в себя не только важное расхаживание с пикой и преследование ночных ворюшек, но и допросы в пыточных камерах. Не самая приятная часть работы, мягко говоря. Однако раньше Гвидо никогда не отличался чрезмерной жестокостью.

– Он был ранен, только потому мы и сумели его схватить. Не дожил до утра. В любом случае, он был простым матросом и знал очень мало. Вчера дон Маньяско пробрался сюда на фелуке под видом торговца. Из города не выезжал. У него была встреча с каким-то купцом в Арсенале.

– Портовая стража! – мгновенно сообразил Алессандро. Но Гвидо только рукой махнул:

– Мы известили их, но было поздно. Маньяско исчез с рассветом. Испарился, как призрак, при первых лучах зари.

Алессандро задумался. Да, такой дерзкий налёт был, пожалуй, в духе отчаянного фиескийца. Фиеска всегда была соперницей Венеции и недавно присоединилась к Лиге. Всё сходится. Вот только...

– Как они прошли через лагуну? Им понадобился бы лоцман!

– По словам матроса, им помог какой-то парень из Аримина, хорошо знающий город, – Гвидо злобно сплюнул на

землю. – Это всё, чего я добился. Чёртовы торгаши! Ариминские банкиры всегда лебезили перед Фиеской!

«Ариминец – это плохо», – с тревогой подумал Алессандро, вспомнив сетования Рикардо о поспешном браке Джулии. Катастрофа в Арсенале была такой ошеломляющей, такой невероятной, что трудно было сразу оценить все её последствия. Потеряна большая часть флота... Разрушен государственный архив... По городу расползались слухи о том, что взрыв был делом рук королевских эмиссаров, что отряды Лиги уже подходят к Патаве... Все эти проблемы надвигались на Венетту, как водяной вал во время нагонного наводнения.

«Ладно, это потом. Сначала – люди». Он заставил себя сосредоточиться на беседе с Фалетрусом, который продолжал что-то бормотать.

– Нам нужны ещё приюты для бездомных и раненых, – прервал его Алессандро. – Госпиталь в Каннареджо не справится с таким наплывом больных!

Вдруг пришла спасительная мысль:

– Стойте! У нас же есть палаццо Арсаго!

– Что? – Фалетрус вздрогнул и, казалось, еле удержался, чтобы не осенить себя крестом.

– Особняк всё равно пустует. Там можно разместить хоть сто человек!

«Вот и пригодился подарок дона Сакетти!»

– Но... – замялся несчастный доктор.

Судя по его нездорово-бледному лицу, похожему на смятую бумагу, он скорее заночевал бы под открытым небом, чем когда-нибудь переступил порог того дома. Алессандро решительно взял его за плечо:

– Прошлое умерло, мэтр Фалетрус. Забудьте о крипте, о старых тайнах. Эти мысли разъедают вас изнутри, я же вижу. Разве дон Энрике виноват в злодействах отца? Или дом виноват в преступлениях, которые там творились? Сейчас это просто крыша над головой и сухое тепло для людей, которые в нем нуждаются!

– Если бы я мог забыть, – прошептал Фалетрус.

Неожиданно их опять прервали:

– Дон Алессандро! – ввинтился в уши резкий голосок Маттео, заставив Сандро невольно поморщиться. В голове ещё немного шумело после взрыва.

Маттео суетился возле кучки людей, выносивших из баркаса очередного раненого, и старался заглянуть им за плечи.

– Я же его знаю! – восклицал он. – Это тот моряк из Аримина! Вы не помните? Прошлой весной он выиграл гонку на гондолах! Дон Арсаго пожаловал ему специальный приз!

Будь у Маттео хвост, он наверняка вилял бы изо всех сил.

– Парню крупно повезло, что валлуко дотянул его почти до берега! – усмехнулся какой-то рыбак. – Не то кормил бы сейчас моррен в канале Спиналонги! Вишь, как его приложило – до сих пор не очухался...

Алессандро охватило странное предчувствие. То же неяс-

ное чувство ночью погнало его к Золотому дворцу, хотя проверка караулов давно уже не входила в его обязанности. Он отчетливо вспомнил, как поспешил на крик караульного и внезапно ощутил рядом присутствие Франчески. Это было – как глоток воды в жаркий день, как шагнуть в прохладу тенистой рощи, спасаясь от раскалённого зноя. Он пытался отмахнуться от бредовой мысли – «наваждение какое-то!» – но тревога не проходила. В смутном потоке образов было что-то настораживающее, какая-то ядовитая нотка страха. Что случилось? Неужели Франческа в опасности? Ночью им вдруг овладела безумная надежда, что если он спроведит подальше стражников и вернётся один, то из-под аркады дворца к нему выйдет *она*. Алессандро действительно собирался вернуться, но пожар в Арсенале и другие кошмары сегодняшней ночи спутали ему все карты.

Вместе с Фалетрусом он подошел ближе, склоняясь над раненым. Молодой парень, темноволосый и загорелый. Правда, сейчас его лицо было землисто-бледным, а одна щека покрыта коркой запёкшейся крови, но всё равно Алессандро его узнал. Это был Луиджи Манриоло – тот самый Манриоло, заботам которого он год назад поручил Франческу.

Сандро медленно распрямылся, стараясь удержать на лице невозмутимое выражение. «Ариминец?» – заворчал кто-то у него за спиной. Один из стражников грязно выругался. Другой предложил спихнуть «везунчика» обратно в канал – и Хорро с ним! Не хватало ещё спасти одного из врагов Ве-

нетты!

– Нет! – прервал их Алессандро. – Этот человек пригодится нам для допроса, когда очнется. Доставьте его в палаццо Арсаго. Я скоро вернусь.

Забыв о Фалетрусе, о делах и о своём неподобающем виде, он бросился к пристани, подзывая первого попавшегося гондольера. Все прочие мысли, кроме одной, смыло волной горячей тревоги. Скорее к Граначчи! Если Манриоло приехал вместе с Франческой... если ей пришлось где-то искать убежища... то к кому она могла обратиться, кроме Джулии?

* * *

Покинув наспех созванный Большой совет, дон Сакетти укрылся от всех в тиши своего кабинета. Ему нужна была минута тишины, чтобы осмыслить случившееся. Он плеснул себе вина из граненого кувшина, рассыпавшего по скатерти цветные искры, и устало опустил в кресло.

Как это могло произойти? Кто его переиграл? Герцог Роверджио? Или король Альфонсо, с его рыбьими глазами и вкрадчивыми лисьими повадками? В прошлый раз его приняли в Венеции как дорогого гостя, а он жадно шарил глазами по верфи и всё выпрашивал: правда ли, что военную галеру можно построить всего за один день?

Удар по Арсеналу означал не только разрушения, смерти и горе десятков семей. Это был удар по престижу Венеции,

по её главной силе – военному флоту. Такую потерю не скоро получится восстановить. А что, если...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.